

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 103, апрель 2023

ЕВРОПЕЙСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ

Послевоенные перипетии европейского империализма: от ЕОУС в 1951 году, Римского договора и Экономического сообщества в 1957-м до Маастрихтского договора и Европейского союза в 1992-м, федерации евро в 1998-м и Лиссабонского институционального договора в 2007-м – являются наглядным примером диалектики *единства* и *раскола* унитарного империализма. Крупные концентрации капитала и опирающихся на них державы демонстрируют сторону *единства* глобальной империалистической системы в общих интересах обеспечения производства прибавочной стоимости и сопутствующих ему условий обмена и обращения, а также классового господства, которое является его предпосылкой. В то же время эти же доли мирового общественного капитала и эти державы постоянно *раскалываются* борьбой за раздел прибавочной стоимости, рынков и источников сырья.

Чередование и сочетание *единства* и *раскола*, случайное преобладание то одной, то другой стороны движения

отмечают времена и особенности империалистического противостояния, между моментами, когда преобладающим признаком является конкуренция мирными методами, а кризисы и войны носят частичный характер в рамках признанного порядка, и фазами, когда противостояние перерастает в *кризис порядка* и затем в его *крах*, вплоть до империалистической войны между крупными державами.

Понятие об *империалистическом порядке*, то есть о данном соотношении сил между державами в результате противостояния на перекрёстке истории, в отношениях силы, санкционированных великими войнами, а также понятия о *кризисе порядка* и его *крахе* вытекают из диалектики *единства* и *раскола*. Именно *неравномерное развитие* долей капитала и держав регулярно ставит под вопрос устоявшиеся балансы, и именно империалистическая конкуренция – экономическими, политическими и военными средствами – нарушает эти балансы и детерминирует новые порядки. Порядок между державами опирается на империалистическое развитие, но само это развитие, изменяя соотношение сил между империализмами, подрывает этот порядок; каждая случайность империалистического столкновения и конкуренции и каждая *стратегическая фаза* противостояния будет в таком случае определённой комбинацией движений *единства* и *раскола* унитарной империалистической системы.

Первые шаги европейского единства возникли в 1950-х годах как реакция групп и фракций Старого континента на самое катастрофическое проявление империалистического раскола – две мировые войны, в которых Европа разрушила сама себя. Изначально первые шаги европейского единства, ЕОУС, ЕЭС и даже несостоявшееся ЕОС, поощрялись или, по крайней мере, допускались Соединёнными Штатами, державой гегемоном *нового порядка*, возникшего в 1945 году после тридцати лет гражданской войны в Европе. В то же время Штаты гарантировали себя от возрождения единого враждебного центра силы в Европе посредством Ялтинского раздела и Атлантического альянса.

Ялтинские договорённости, замаскированные идеологией и ложным сознанием противостояния между свободой Запада и самозваным *социалистическим лагерем*, собранным вокруг СССР, видели конвергенцию Вашингтона и Москвы в сохранении Германии и Европы разделёнными.

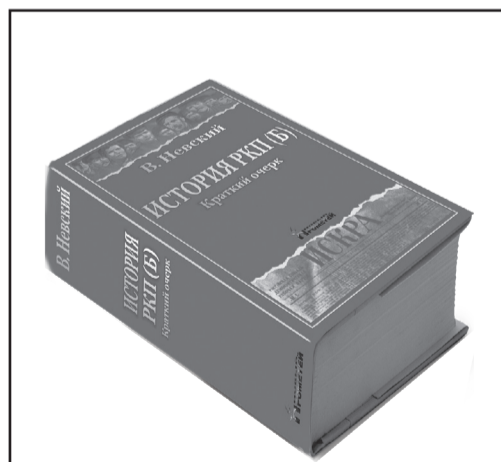
Атлантический альянс, гарантируя безопасность Старого континента с помощью интегрированной обороны, в которой доминировали американцы, держал Германию на расстоянии и предотвращал возможность того, что общая европейская оборона наполнила бы стратегическую автономию старушки Европы новым содержанием. Согласно известному афоризму британского лорда Исмея, первого генерального секретаря НАТО, целью Альянса было *«держать американцев внутри, русских снаружи и немцев внизу»*.

Представление о расколе между блоками скрывало степень единства американского и российского империализма в поддержании разделения европейского империализма, а идеология

и инструменты единства Запада были призваны предотвратить или отсрочить разграничение экономических и стратегических интересов Европы и Америки. Единство Европы принесло с собой определённый раскол между двумя сторонами Атлантики; этого достаточно, чтобы объяснить регулярную двойственность Соединённых Штатов по отношению к европейскому процессу: на словах они поощряли его, но на каждом существенном пороге автономии Старого континента выступали против.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, март 2023 г.

В. И. НЕВСКИЙ

История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения, статьи В. И. Невского
«Ленин как материалист в своих
ранних работах», «Философия
мёртвой реакции», карты, схемы
и иллюстрации, примечания,
хронология, библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Содержание

ЕВРОПЕЙСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ РАСКОЛ	стр. 1
Европа и империалистический раскол.	стр. 2
“Социализм или варварство”	стр. 3
<i>Кризис SVB и Credit Suisse</i>	
Паника с нулевым риском	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
Политическое отражение электрического и цифрового сражения	стр. 5
<i>Российские хроники</i>	
Мрачные тренды экономической реальности	стр. 6
“Москва – Пекин” в контексте изменяющегося мирового противостояния	стр. 7
Сеул гонится за Токио в Zeitenwende	стр. 8
<i>Борьба с коронавирусом</i>	
Китай приспосабливается к Covid.	стр. 9
<i>Гиганты Азии: дилеммы китайского однопартийного плюрализма</i>	
Эмпирические закономерности континентальных надстроек	стр.10
Регионализация и вертикализация.	стр.11
<i>Европейская военная промышленность</i>	
Танковая лихорадка в украинской войне	стр.12
<i>Бразильские колебания</i>	
Фарсовый переворот в качестве дебюта Лулы III	стр. 13
Антон Паннекук и вторая мировая империалистическая война	стр. 14
<i>Сражение в телекоме</i>	
Война чипов – новый фронт мирового противостояния	стр. 15
Средиземноморье.	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Испанский наблюдательный пункт

Мосты и ребусы Латинской Америки	стр. I
Латиноамериканские компании и евроатлантические ограничения.	стр. II
Латиноамериканские власти и симулякры.	стр. III
Евроатлантическая проверка в Магрибе	стр. IV

Европа и империалистический раскол

(начало на 1-й стр.)

Клаус Ларрес, немецкий историк, переехавший в США, в своей книге «Ненадёжные союзники» документирует на основе рассекреченных в начале 2000-х годов материалов особый перелом в евро-американских отношениях в период кризиса 1970-х годов. Тезис заключается в том, что шок Никсона 1971 года, когда доллар был отвязан от золота, валюта девальвирована и произошло протекционистское повышение тарифов, стал прецедентом по отношению к унилатерализму «Америка прежде всего» Дональда Трампа, а политика Ричарда Никсона и Генри Киссинджера против «угрозы объединённой Европы» – поворотным пунктом в трансатлантических отношениях.

Разговор 3 марта 1973 года между Никсоном, Киссинджером и министром финансов Джорджем Шульцем касался европейской инициативы валютной змеи, совместного плавания валют, которое станет предтечей ЕВС, Европейской валютной системы. Киссинджер, отмечает Ларрес, рассматривал этот вопрос не с экономико-монетарной точки зрения, а скорее исходя из «политики силы»; он возражал против европейской тенденции не консультироваться с Соединёнными Штатами и «действовать так, как если бы Сообщество девяти было полностью независимым и тесно взаимосвязанным блоком». Если бы это сработало в валютной сфере, то эта практика распространилась бы на другие области: «Мы всегда были за интеграцию», – утверждал Киссинджер Никсону, – «но всегда рассматривали её как шаг к атлантическому сотрудничеству», «никогда не интерпретировали европейскую интеграцию как принятие Европой односторонних решений» по вопросам, которые касались Соединённых Штатов и даже Японии, «без предварительных консультаций».

Никсон в меморандуме от 10 марта писал, что ЕЭС будет всё больше противостоять Соединённым Штатам и, если Вашингтон не предпримет скорых действий, результатом станет «монстр Франкентейна», крайне опасный для американских интересов в будущем. Согласно Киссинджеру, в разговоре с заместителем министра финансов Уильямом Саймоном это был вопрос «предотвращения единой европейской позиции», не раскрывая себя: путь заключался во взаимодействии с европейцами «на индивидуальной основе», а не как с целостным блоком. Немцев, предупредил он Никсону, можно побудить «нарушить строй».

В Белом доме, утверждал Ларрес, Германия рассматривалась как самое слабое звено западного альянса, разделённое и «зависимое от американского зонтика безопасности», как никто другой; некоторое давление и намёки на возможный вывод американских войск могли бы склонить их на сторону США. Как бы то ни было, «не поддержка процесса европейского единства, а “разделяй и властвуй”, похоже, стала новой европейской стратегией Вашингтона». Администрация Никсона «пришла к выводу, что европейское экономическое и политическое единство направлено против Соединённых Штатов», намеренно или в результате; казалось, не было другого выхода, кроме как «вмешаться, чтобы предотвратить развитие европейского единства, подорвав процесс интеграции». Если европейскую валютную систему не удастся остановить, утверждал Киссинджер, то её создание всё равно будет отложено и затруднено.

Концептуально книга «Ненадёжные союзники» не добавляет многого к тому, что мы уже знаем; американ-

ская двойственность по отношению к европейскому процессу хорошо известна, вплоть до предпочтения – документально подтверждённого Ларресом – мягкой конфедерации, в которой сохранилось бы влияние США. Что представляет интерес в реконструкции, так это яркая картина прямых попыток воздействия с американской стороны, по линиям и практикам вмешательства, которые Никсон стремился сохранить в тайне даже в отношении различных ветвей администрации.

Если уж на то пошло, можно заметить, что американские обструкционистские вмешательства накладывали отпечаток на трансатлантические отношения в течение целых политических циклов. Путь от первых попыток плана Вернера и валютной змеи до федерации евро занял четверть века, включая стратегический разрыв – распад СССР и воссоединение Германии; в 1992 году атака на ЕВС вытолкнула лиру и фунт из монетарной системы и имела долгосрочное последствие в виде исключения Лондона из федеративного процесса создания единой валюты. В начале 2000-х годов, после войны в Косово 1999 года, Европейский конституционный конвент как никогда близко подошёл к общей внешней и оборонной политике; война в Ираке 2003 года и противостояние между новой и старой Европой, разжигаемое Соединёнными Штатами, охладили эту перспективу на двадцатилетний период. Вновь активизируя ту же линию разлома, война на Украине теперь обещает обусловить планы европейской стратегической автономии на целый цикл вперёд, привязывая их к асимметричным атлантическим отношениям.

Романо Проди, несмотря на определённую наивность в уповании на европеистские достоинства демократизированного капитализма, часто демонстрирует меткое восприятие отношений власти, внимательное к нюансам, имеющим существенное значение. В интервью газете *Corriere della Sera* Проди прокомментировал поездку Джо Байдена в Варшаву и саммит президента США с Бухарестской группой девяти восточноевропейских стран Североатлантического альянса: «НАТО и ЕС никогда не совпадали так сильно, как сегодня. Если уж на то пошло, давайте спросим, как это случилось. Давайте спросим, почему США выступают за союз с восточноевропейскими странами, почему Джо Байден поехал в Варшаву, а не Брюссель. Если разделение девяти восточных стран и основателей Европы является стратегией, то вскоре и перед нашим правительством встанет драматический выбор». США должны быть заинтересованы в объединённой Европе. «Но я бы не хотел, чтобы они оказывали давление на Восточную Европу и её девять стран для того, чтобы остальные 18 членов поняли, как захватывает Атлантический альянс. С другой стороны, это возможно, потому что у ЕС нет общей внешней и оборонной политики. США, похоже, делают ставку на малочисленную, но сплочённую группу прежде всего в своей враждебности к России. В последние годы затруднения европейских институтов вывели эти различия на поверхность».

Ещё одно наблюдение касается американского давления на Европу с целью заставить её присоединиться к политике сдерживания и технологического разрыва по отношению к Пекину. Здесь Проди видит «ров» между Китаем и ЕС, «которого раньше не было, а теперь он возникает».

Две динамики США – ЕС – Россия и США – ЕС – Китай связаны между собой,

и обе движутся посредством тенденций и контртенденций. Что касается украинской войны, то нет ни одного анализа, который бы не отметил, насколько сильно этот конфликт подорвал амбиции европейской стратегической автономии или, по крайней мере, отдал их на значительное время.

По мнению Тома Гомара из Французского института международных отношений (IFRI), высказанному на страницах *La Croix*, возвращение к войне высокой интенсивности в Европе привело к тому, что ЕС потерял «сравнительное преимущество» семидесяти лет мирного развития на мировой арене, разрушив отношения между Европой и Россией, которые занимали уникальное место в глобализации. Франции придётся пересмотреть свою «российскую политику», если она хочет иметь вес в вопросах европейской безопасности; если Париж и Берлин были правы в 2003 году, выступая против войны в Ираке, то двадцать лет спустя их упрекают в «наивности», если не в «услужливости» по отношению к России. Перспектива создания общеевропейской «архитектуры безопасности» с участием Москвы в идее «Европы-державы», способной эмансипироваться от США, терпит поражение. Стремления стран Восточной Европы, которые вступили в НАТО и ЕС именно для того, чтобы навсегда «уйти с российской орбиты», не были поняты.

Вольфганг Ишингер пишет в *Handelsblatt*, что США остаются решающей силой в Европе, а европейский суверенитет или стратегическая автономия – это «исторически упущенная возможность». *The Economist* с недоумением относится к тезису о том, что «новая ось Варшавы и Киева может стать противовесом оси Парижа и Берлина»; «Бухарестская девятка» представляет лишь пятую часть населения ЕС и десятую часть европейского валового продукта. Однако, по мнению того же английского еженедельника, перспектива Киева – это «годы тяжёлого вооружённого тупика» и превращение Украины в «европейский Израиль». С точки зрения *Le Figaro*, не имеет значения, где упадёт следующий «железный занавес» – на Украине или на границе с Россией: в любом случае для окончания новой холодной войны потребуются «десятилетия» или «поколения».

Две инициативы выступают в качестве контртенденций в области европейского перевооружения. Начиная с необходимости снабжения Киева боеприпасами, разработана семилетняя программа EDIRPA (укрепление европейской оборонной промышленности через общий закон о закупках). Джонатан Эяль из Королевского объединённого института оборонных исследований (RUSI) отмечает в *Straits Times*, что это «не слишком скрытый способ для ЕС получить новые полномочия», поскольку до сих пор за военные закупки отвечали страны-члены. Министр обороны Великобритании Бен Уоллес, сообщает лондонская *Times*, обвиняет группу стран ЕС в создании риска раскола НАТО и указывает на проект ESSI (Европейская инициатива «Небесный щит»), продвигаемый Германией, но открытый для Великобритании, США и Израиля, как на контрмодель. Похоже, Лондон хочет избежать змеи военных поставок.

Вторая инициатива касается ядерной обороны. Эмманюэль Макрон на Мюнхенской конференции по безопасности повторил предложение придать европейское измерение французским силам сдерживания. По мнению ряда аналитиков из немецкого института SWP и Бертольда Колера из *Frankfurter*

Allgemeine Zeitung (FAZ), Берлин должен принять предложение о «совместном использовании ядерного оружия», поставив французские силы сдерживания в один ряд с американскими. Макрон, сообщает *FAZ*, хотел бы также связать европеизацию французских сил ядерного сдерживания с переговорами по европеизации щита ESSI. Тем самым, как это уже происходит в Сеуле и Токио, атомное оружие вновь становится предметом дебатов в Берлине.

Что касается «рва», который по мнению Проди появляется между ЕС и Китаем, *Politico* – источник, склонный к англосаксонским тезисам, – видит Европу постепенно равняющейся на США. Об этом якобы свидетельствует блокировка Нидерландами экспорта в Китай последнего поколения оборудования для производства микрочипов, где голландская ASML входит в число ведущих мировых групп, а также предстоящий запрет Германии на аппаратуру 5G от Huawei. По данным *Politico*, Вашингтон связывает предоставление европейской промышленности субсидий IRA (закона о борьбе с инфляцией) на электромобили с корректировкой курса ЕС в отношении технологического разрыва с Пекином. Это вмешательство, как мы отмечаем, происходит через голову Брюсселя. Преподнося чиповую войну в качестве вопроса безопасности и как компетенцию государств, а не комиссара ЕС по торговле, Вашингтон ведёт переговоры с отдельными столицами. А переговоры, проведённые Урсолой фон дер Ляйен с Байденом, показали, по мнению *Le Monde*, «сближение Европы с Соединёнными Штатами» вопреки президенту Шарлю Мишелю и нескольким европейским столицам, включая Париж.

Согласно известному суждению Гельмута Шмидта, именно в 2003 году, в связи с войной в Ираке, сопротивление Европы смогло удержать Штаты от новой «холодной войны» с Китаем. В Азии зондирование почвы по поводу трёхстороннего оборонного соглашения между Сеулом, Вашингтоном и Токио сочетается с запуском пакта AUKUS между США, Великобританией и Австралией, который предоставит Канберре ядерные подводные лодки. Пекин отвечает *Инициативой по глобальной безопасности*, которая прошла первое испытание в посредничестве между Ираном и Саудовской Аравией. Китай хочет быть силой единства перед лицом Штатов, которые встали на сторону раскола, поскольку неравномерное развитие возвысило Азию и привело США к носителю упадку.

По мнению Луука ван Мидделаара, изложенному на страницах голландской *NRC*, мы живём на линии разлома между двумя эпохами, но всё ещё возможны различные варианты будущего: от биполярного противопоставления, к которому подталкивает Вашингтон до «многополярного порядка». По мнению Фёдора Лукьянова из Международного дискуссионного клуба Валдай, вырисовываются два мировых блока с Китаем и Россией на одной стороне и США и их союзниками на другой, хотим мы этого или нет.

Есть и третья, более вероятная гипотеза – о длительном многополярном беспорядке, который готовит переход от кризиса к краху порядка. Как бы то ни было, спустя двадцать лет после войны в Ираке, в новом водоразделе украинской войны, сколько пространства и времени остаётся у ЕС для стратегии игры на подборе, к которой зывал Шмидт?

“Социализм или варварство”

В конце февраля в туринском театре Витторио Альфиери прошёл “Интернационалистский день молодёжи”. Публикуем краткое изложение заключительного слова Ренато Пасторино.

Два слова в названии указывают на распустье, перед которым стоит человечество. Это не новый выбор. Никто иной как Роза Люксембург придала новую силу этому лозунгу, приписав их авторство Энгельсу, в антивоенной брошюре, написанной в тюрьме в 1915 году. Находясь в камере, Люксембург писала: «[...] мы находимся сейчас, как предсказал Фридрих Энгельс за целое поколение – 40 лет тому назад – действительно перед выбором: или триумф империализма [...] вымирание, опустошение, дегенерация, большое кладбище; или же победа социализма»¹. Первая мировая война закончилась “огромным кладбищем” с двадцатью миллионами погибших. Через двадцать лет мир оказался на том же распустье, с более развитым и мощным империализмом, и “огромное кладбище” второй мировой войны стало в два с лишним раза больше.

По подсчётам стокгольмского SIPRI, жертвами двух мировых войн стали от 30 до 36 миллионов солдат. В основном молодые парни в возрасте примерно двадцати лет. Кроме того, погибло от 60 до 64 миллионов мирных жителей. То есть в общей сложности от 90 до 100 миллионов жертв. И не стоит забывать, что вторая мировая империалистическая война была закончена применением ядерного оружия – той самой угрозы, которая в сегодняшней войне нависла над Украиной со стороны России. В августе 1945 года самолёты американской демократии сбросили две атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки: два города разрушились в одно мгновение, погибло более двухсот тысяч мирных жителей, Япония капитулировала. Збигнев Бжезинский, один из лидеров американского империализма, в своей книге “Вне контроля. Глобальный беспорядок накануне XXI века” подводит баланс XX века и считает, что жертвами войн и концлагерей в прошлом веке стали 167 миллионов человек. По более поздним оценкам, к 2020 году эта печальная сумма составила около 200 миллионов человек, что равно нынешнему населению Франции, Германии и Италии, вместе взятым. Вот оно, варварство капитализма!

Война в Европе

Суровая альтернатива между социализмом и варварством сегодня проявляется с большей силой, чем некоторое время назад. Прошёл год после вторжения России на Украину: война вернулась в Европу с десятками и десятками тысяч жертв, города разрушены, люди замерзают, безысходность. Хотя пока нет достоверной оценки жертв, мы знаем, что в значительной степени это были молодые русские и украинцы, которые в подростковом возрасте счастливо жили вместе и почти все говорили на одном языке. Военная машина заставляет этих молодых людей убивать друг друга. Бешеная националистическая пропаганда с обеих сторон распространяет ненависть, указывает на врагов и цели.

Эта пропаганда опирается на жёсткие репрессивные инструменты. И на Украине, и в России проводится мобилизация призывников, действует военное положение. В России Дума ужесточила наказание за дезертирство до 15 лет лишения свободы. На Украине наказание за дезертирство было увеличено до 12 лет лишения свободы, до 10 лет за отказ воевать, до 7 лет за угрозу офицерам. Таким образом, как в Киеве, так и в Москве “патри-

отический дух” насильно поддерживается долгими годами тюремного заключения; демократия и авторитаризм – две стороны одной медали, одного и того же капиталистического содержания. И если с обеих сторон наказания усиливаются, значит, существует проблема дезертирства и отказа воевать. Не будем забывать об этом. Это признаки отрицания войны, которые могут стать семенами революционного пораженчества.

Империалистический раздел

Нынешняя война изначально была ожесточённой гражданской войной, вооружённым столкновением между фракциями украинской буржуазии в пределах национальных границ. На Востоке присутствует значительное и укоренённое русское население, а буржуазия Донбасса имеет тесные связи с российским рынком, его крупными государственными и частными экономическими группами, включая соответствующих олигархов – наследников государственного капитализма бывшего СССР. Эта фракция украинской буржуазии уже давно сделала выбор в пользу связей с Россией вплоть до отделения Донбасса, безусловно, подталкиваемая Москвой. На Западной Украине присутствие русского населения гораздо более ограничено, и буржуазия в Киеве и Львове смотрит на богатый европейский рынок, потоки капитала и богатые прибыли, которые он может гарантировать. Эта фракция украинской буржуазии уже давно выбрала Брюссель – вариант, подкреплённый европейской поддержкой в виде оружия и капитала. В Киеве прожорливая буржуазия, с демократией, погрязшей в коррупции, то же самое происходит в коридорах этатизма российского авторитаризма.

За последние несколько месяцев в Киеве были арестованы, привлёкли внимание следственных органов и уволены четыре заместителя министра, несколько губернаторов областей и высокопоставленные чиновники, включая близкого соратника Зеленского. В разгар войны был вынужден заявить о готовности уйти в отставку министр обороны. Они обогащались за счёт помощи Запада, брали взятки, распределяя генераторы и даже продукты питания для армии, иными словами, “прикармливали” пайки солдат, отправленных умирать на фронт. Такова нестерпимая наглость представителей правящих классов в Киеве и Львове.

На Украине нет сопотривления, на сторуку которого имело бы смысл встать, нет угнетённой национальности, которую можно было бы поддержать. Но по всей Украине, с востока на запад, есть 16-миллионная армия наёмных работников. Они – единственный выход из кризиса и войны. Их нужно подтолкнуть к объединению сначала с русскими братьями, а затем с пролетариатом всех стран против соответствующих буржуазий. Агрессией России эта война превратилась в войну империалистического раздела земель Украины между Россией и Европой. Российский империализм уже аннексировал Крым и республики Донбасса. Империалистическая Европа уже предоставила Киеву статус кандидата в члены Европейского союза, и есть те, кто настаивает на ускорении полноправного членства. Вот он – империалистический раздел Украины, причём настолько явный, что сейчас идёт самая настоящая империалистическая война, в которой задействованы все державы. Соединённые Штаты ведут опосредованную войну против своего старого соперника России и тем самым подтверждают свою позицию силы на Старом континенте. Они

играют на страхах Польши и стран Балтии, пытаются разделить Европу, помешав её стремлению к стратегической автономии. В то же время они смотрят на своего нового главного соперника – империалистический Китай, который пошатнул старый мировой порядок. Пекин поддерживает Москву экономически и политически, не вмешиваясь военным путём. Недавно он представил политический документ, призывающий к перемирию и переговорам. Мирные предложения также являются инструментом империалистического влияния.

Затем существует группа крупных и средних восходящих держав, среди которых лидирует Индия, которые формально занимают нейтральную позицию между двумя сторонами, но являются участниками продолжающегося империалистического столкновения. За последние несколько месяцев мы стали свидетелями постепенного увеличения поставок оружия на Украину со стороны западных держав, кульминацией было предоставление танков последнего поколения, что стало скачком в эскалации против России. Тут же Киев увеличил запрос, настаивая на ракетах дальнего радиуса действия и истребителях; была запущена спираль высокого риска, настолько, что из Москвы поступили двусмысленные сигналы о применении тактического ядерного оружия.

На краю пропасти

Как далеко намерены зайти правящие классы Запада и России? Они танцуют на краю пропасти прямой конфронтации между НАТО и Москвой, которая откроет дверь третьему мировому конфликту. Это обсуждается. Нил Фергюсон, англо-американский историк и биограф Генри Киссинджера, недавно написал: «Война вернулась. Может ли мировая война также вернуться? [...] Киссинджер правильно беспокоится об угрозе Третьей мировой войны. Первой и Второй мировым войнам предшествовали более мелкие конфликты [...] Украинский конфликт [...] может стать предвестником гораздо более масштабной войны». Нельзя игнорировать и продолжающуюся гонку вооружений: все без исключения державы объявили о резком увеличении военных расходов. Так что больше никакого оружия! Никаких войн!

Вернёмся к лозунгу “социализм или варварство”: мы должны сделать выбор, выйти на поле боя, сражаться за высшее общество, в котором нет отечеств, границ, государств, а вместе с ними и войн. В этом суть, ядро нашей интернационалистской борьбы против войны, к которой мы призываем молодые поколения.

Учиться чтобы бороться

Сделать выбор, как это ни покажется странным, значит, прежде всего, учиться: для нас учёба – это руководство к действию. Учиться, чтобы бороться, чтобы иметь представление о борьбе между классами и между государствами. Чтобы всегда знать, с кем имеешь дело, чтобы не быть использованными и манипулируемыми. Чтобы не дать себя убедить в том, что для достижения мира необходимо увеличить огневую мощь войны с её ужасными массовыми убийствами. Сделать выбор – значит ежедневно вести работу в учебных заведениях, на заводах, в кварталах среди широких масс, чтобы пропагандировать и организовывать интернационалистскую оппозицию войне.

Это милитантская деятельность, в которую вовлекаются многие молодые люди, начиная с добровольчества солидарности, развивающегося вокруг наших рабочих кружков. Это классовая солидар-

ность, направленная на самые уязвимые семьи в наших кварталах, для которых доставка продуктового пакета является настоящим облегчением. Это деятельность, которая является наследием нашей борьбы во время кризиса пандемии столетия и которая расширилась и разветвилась после мрачных дней изоляции. Добровольчество солидарности неизбежно становится политической борьбой. Большинство семей, пользующихся помощью наших рабочих кружков, – это семьи рабочих-иммигрантов, на которых кризис пандемии повлиял сильнее других. И поэтому добровольчество солидарности сразу же становится конкретной борьбой против расизма и ксенофобии, которые разделяют наш класс, идеологии, которую их политика, политика правящего класса, бесстыдно продолжает подпитывать. Это борьба за сегодняшний день и ещё более за завтрашний, поскольку в империалистических метрополиях, где больше, чем в других странах, распространён высокий уровень жизни, рождаемость резко снижается.

Коммунистическое добровольчество

Для глубокого изучения этого явления мы отсылаем к последней по времени книге нашего издательства “Демография и миграции в эпохальных изменениях”. Глубинные причины снижения рождаемости следует искать в растущем выходе женщин на рынок труда. Этот процесс необходимо поддерживать, потому что он укрепляет наш класс, наряду с борьбой за полное равенство в плане заработной платы и нормативов, которые не соблюдаются. Но это общество, со всей его современностью, новыми нравами и защитой прав, даже самых сумасбродных, не смогло сопроводить вступление женщин в ряды наёмных работников достойной поддержкой работающих матерей. И ещё меньше внимания и ресурсов уделяется раннему детству и младенчеству. Тем самым материнство наказывается, тормозится, не поощряется. И вот в так называемых “переходных” странах падает рождаемость, сокращается население, особенно трудоспособного возраста. В различных отраслях возникает нехватка рабочих рук.

Так правящие классы вынуждены увеличивать, даже значительно, приток рабочих-иммигрантов: им придётся за них конкурировать. Несмотря на это, их политика не только не занимается этим, но есть и те, кто продолжает кричать и огрызаться по поводу иммиграции, разжигая расовую ненависть. Итальянское правительство несколько месяцев назад пошло на усложнение помощи иммигрантам на море и при высадке их на берег. [И вот через неделю после нашей встречи в Турине произошла трагедия – ужасное кораблекрушение на побережье Калабрии, несмыаемый позор для Итальянской Республики и Европейского союза].

Никакие морские трагедии в Средиземноморье не остановят миграционные потоки, им суждено расти, и в этом смысле наше добровольчество солидарности смотрит в будущее. Вот почему необходимо наращивать наши усилия и преобразовывать его в политическое сознание, в коммунистическое добровольчество, на пути, который должен привести многих молодых людей к интернационалистскому милитантству, к жизненному выбору, к полноценной революционной деятельности. Учитывая грядущие бурные времена, это является абсолютной необходимостью.

Lotta comunista, март 2023 г.

1 – Люксембург Р. Кризис социал-демократии. М., 1923. С. 10.

Крузис SVB и Credit Suisse

Паника с нулевым риском

Банки всего мира, особенно самые богатые из них, охватывает волна паники. Обанкротился малоизвестный Silicon Valley Bank (SVB) из городка Санта-Клара, расположенного на южной стороне залива Сан-Франциско. Молодой и современный, он был фаворитом технологических стартапов Кремниевой долины – американской колыбели информационных технологий, микропроцессоров и компьютеров. Кто-то поспешно сравнил кризис SVB с кризисом Lehman, другие предпочли провести параллель с Monte dei Paschi di Siena – в качестве кризиса, в равной мере затрагивающий банк и территорию, на которой он действует, – а третьи ошибочно определили его как бурю в стакане воды.

Возникнув на калифорнийском побережье Тихого океана, волна достигла Европы, сильнее всего поразив один из наиболее известных своей историей и перипетиями банков – Credit Suisse из Цюриха. Уже потрепанное двумя бедственными годами, в течение которых стоимость его акций упала на 80 %, учреждение только в среду (15 марта) потеряло четверть своей остаточной стоимости.

В воскресенье (19 марта) произошла капитуляция: Credit Suisse был куплен за 3 млрд франков своим швейцарским конкурентом UBS, который получил 100 млрд франков ликвидности от центрального банка.

Забывшие риски, связанные с процентными ставками

С момента начала пандемии признаком нынешнего цикла стали резкие зигзаги. Инфляция, вызванная внезапным дисбалансом между спросом и предложением, достигла уровня, беспрецедентного для тех, кому сегодня меньше пятидесяти, как и скорость повышения процентных ставок. Система отсчёта изменилась. Те факторы роста, которые в отсутствие инфляции были индикаторами экономического здоровья, теперь рассматриваются центральными банками с подозрением как соучастники инфляции. Джером Пауэлл на заседании Банковского комитета Сената заявил: «Январские данные о рабочих местах, потребительских расходах, объёме производства и инфляции частично изменили тенденцию к падению, которую мы наблюдали всего месяц назад. [...] Последние экономические данные оказались лучше, чем ожидалось, и это предполагает, что окончательный уровень процентных ставок, вероятно, будет выше» и «оправданно произойдёт более быстрое ужесточение». Буржуазная экономическая наука не имеет другого средства: чтобы сломать ноги инфляции, она калечит рост, пусть даже минимальный.

Большинство экономистов, в том числе из МВФ, годами утверждали, что эра инфляции закончилась, а вместе с ней и эра высоких процентных ставок. Это были побочные теории длительной эры количественного смягчения, проводимого центральными банками в попытке поддержать экономику и финансы после финансового кризиса и во время пандемии. Почти нулевые процентные ставки и фискальные субсидии стимулировали частный и государственный долг: долговая экономика финансировала инвестиции, покупку недвижимости, спекулятивные операции, государственные расходы, а также приобретение финансовых активов домохозяйствами, пенсионными фондами, страховыми компаниями, банками, в значительной степени в виде облигаций и государственных ценных

бумаг. Разворот монетарной политики охладил экономику и привёл к новым долгам, но банковский кризис выявил менее очевидное следствие повышения процентных ставок – обесценивание активов, которые обычно считались самыми безопасными и защищёнными, поскольку были гарантированы государством. Концепция, в соответствии с которой государственные ценные бумаги имеют нулевой риск, была подтверждена стандартом «Базель III», но кейс SVB опровергает её.

Банк стартапов

SVB стал 16-м по размеру банком США с более чем 200 млрд долл. активов: он в основном был банком американских стартапов, особенно тех, которые финансировались фондами венчурного капитала, специализирующимися на содействии запуску новых предприятий. Половина из них были клиентами SVB, куда они депонировали доли своего оборотного капитала и денежные резервы. Банк часто софинансировал их деятельность. У этих инновационных предприятий были проблемы на старте. В среднем только каждый десятый стартап проживал более одного года. Проблема SVB, связанная с этими клиентами, состояла не в кредитах или банкротствах, а в том, что более 90 % депозитов этих стартапов не были застрахованы, т. е. превышали порог в 250 тыс. долл., гарантированный Федеральной корпорацией страхования депозитов (FDIC). В разгар пандемии, когда инвестиции в технологии резко выросли, а сумма депозитов на счетах SVB почти удвоилась, учреждение из Санта-Клары приняло фатальное решение заморозить половину своих активов (91 млрд долл.) в казначейских облигациях.

Не он один совершил эту ошибку. Согласно отчёту FDIC, с апреля 2020 года государственные субсидии и сокращение частных расходов, вызванное локдауном, привлекли 4,2 трлн долл. новых сбережений в банки США, из которых 2 трлн долл. были инвестированы в долгосрочные облигации Казначейства и других государственных учреждений. Стремительный рост процентных ставок обвалил рыночную стоимость этих активов (по сравнению с номинальной), которая на конец 2022 года составила 620 млрд долл.

Короткий фитиль «онлайн-кризиса»

В 2022 году повышение банковских ставок ослабило поток инвестиций в стартапы и уменьшило их депозиты, и объём ликвидности, которым располагал SVB, сократился. В феврале 2023 года ускорился вывод депозитов. Банк продал свои казначейские облигации на сумму 21 млрд долл., потерпев убыток в размере 1,8 млрд долл., и попытался отыграть за счёт увеличения капитала чуть более чем на 2 млрд долл. Этот двойной ход был истолкован как признание отсутствия у банка ликвидности. Некоторые венчурные капиталисты призвали стартапы вывести свои сбережения.

Мобилизовались и сторонники банка, которые организовали массовую лоббистскую акцию, опубликовав документ, подписанный 300 фондами. Но сокрушительный удар нанесло рейтинговое агентство Moody's, понизив рейтинг уже умирающего банка. Натиск держателей текущих счетов был беспрецедентным: в последний день жизни SVB была снята гигантская сумма – 42 млрд долл. 8 марта FDIC начало процедуру банкротства SVB. The Economist написал о кризисе на «высо-

кой скорости», а Financial Times пояснила, что «онлайн-мир» начал массовый вывод ликвидности с помощью банковских приложений. Блицкриг стартапов и венчурных капиталистов не оставил Goldman Sachs, отвечающему за увеличение капитала, времени что-либо предпринять. Скорость распространения кризиса и паники, которая вновь была сертифицирована агентством Moody's, понизившим прогнозную оценку всей банковской системы США до «негативной», диктовали темпы принятия решения Белому дому, который был вынужден сделать это к вечеру воскресенья (12 марта), до открытия азиатских рынков.

«Todos caballeros»

По мнению New York Times, сжатые сроки исключали поиски «белого рыцаря», который согласился бы купить банк. Решение Казначейства, ФРС и FDIC, принятое после консультации с президентом Байденом, заключалось в принятии «исключения в отношении системного риска», которое гарантирует полное погашение всех депозитов – застрахованных и незастрахованных, – размещённых в SVB и Signature Bank Нью-Йорка – это 30-й американский банк с активами в 110 млрд долл., который обанкротился в те же выходные. Ричард Уотерс в Financial Times высмеивает либералов из Санта-Клары, которые всегда были заклятыми врагами государственного интервенционизма, но не в этот раз. Английская дочерняя компания SVB была «спасена» гигантом HSBC, который купил её за один фунт стерлингов. Отличная сделка.

Финансист Ларри Финк, глава гиганта BlackRock, управляющего фондами на сумму 8,6 трлн долл., в письме акционерам написал, что банковский кризис – это «цена, которую мы платим за десятилетия лёгких денег», и определил его механизм как эффект домино в трёх действиях: 1) быстрый рост процентных ставок; 2) крах SVB, который также стал сигналом тревоги для всех региональных банков, опирающихся на финансовый рычаг; 3) кризис на рынках неликвидных инвестиций, недвижимости, частного акционерного капитала, финансируемого за счёт долга частного кредита. Финк подводит итог всей глобальной финансовой деятельности за последние 40 лет, оценивая её в 400 трлн долл. и сводя воедино – если мы правильно понимаем – волны перенасыщения сбережений либеристских десятилетий и токсичные волны фиктивного капитала.

Пироманы и пожарные

ФРС запустила программу срочного банковского финансирования с фондом в 25 млрд долл. и будет предлагать кредиты на один год в обмен на качественное обеспечение, принимаемое по номинальной стоимости. China Daily рассматривает это как признание структурной проблемы в банковской системе США. ФРС, перешедшая от нулевой ставки к сверхвысокой и превратившаяся «из пиромана в пожарного», должна научиться пользоваться своими полномочиями соразмерно.

Американские демократы видят в кризисе SVB карту, которую можно хорошо разыграть в свете выборов 2024 года. Тем самым они пытаются получить преимущество, предлагая изменить некоторые правила двухпартийного закона Додда – Франка 2010 года, принятого после глобального финансового кризиса: он устанавливал, что финансовый риск исходит не только от банков, которые «слишком велики, чтобы обанкротиться», но и от более мелких групп, которые

тесно взаимосвязаны с ними на финансовых рынках. Закон Додда – Франка включил в категорию «системно значимых финансовых институтов» все группы с активами более 50 млрд долл., которые должны проходить ежегодные стресс-тесты. Дональд Трамп в 2018 году поднял этот порог до 250 млрд долл., что также было обеспечено двухпартийным консенсусом. SVB был в авангарде поддержки смягчения Трампа.

Банкротство банка технологических стартапов, возможно, может омрачить стремление Белого дома, высказанное министром торговли Джинной Раймондо, «добиться того, чтобы США были единственной страной в мире, в которой каждая компания, способная производить передовые чипы, имеет значительное присутствие в области исследований и разработок и большие объёмы производства», а также нанимает более 100 тыс. новых технических специалистов в течение десятилетия. Речь идёт о всемирной монополии в сфере передовых технологий со своим собственным отрядом рабочей аристократии. Но можно также обнаружить, что централизация ресурсов и инженеров в нескольких крупных проектах, объединённых и финансируемых за счёт огромных ресурсов, менее чем когда-либо привязана к старому калифорнийскому региону, а новые инвестиции делают в Аризоне, Огайо и Техасе.

Швейцарский кредит и европейский кредит

На европейской стороне Атлантики 15 марта десять крупнейших банковских групп потеряли по меньшей мере 10 % котировок своих акций из-за падения Credit Suisse – 2-го по величине банка в Швейцарии и 45-го в мире с 830 млрд долл. активов. В муках сложной реструктуризации банк за последние годы и месяцы пережил многочисленные кровоизлияния на фондовой бирже. Недавнее падение было вызвано отказом – отозванным слишком поздно – его основного акционера Saudi National Bank от дальнейших вливаний капитала. По словам швейцарского финансового департамента, поглощение банка со стороны UBS стало неизбежным из-за «непредсказуемых последствий для швейцарской экономики и мировой финансовой системы». Financial Times подчеркнула, что одной из причин европейского банковского ажиотажа, спровоцированного американскими, является тот факт, что и европейские банки «держат большие резервы облигаций, на которые повлияло повышение процентных ставок».

9 марта в разгар банковского хаоса пять европейских председателей: Шарль Мишель из Европейского совета, Урсула фон дер Ляйен из Еврокомиссии, Кристин Лагард из ЕЦБ, Паскаль Донохью из Еврогруппы и Вернер Хойер из Европейского инвестиционного банка – начали рабочий день совместной декларацией о неотложности «подлинного союза рынков капитала», необходимого для ускорения электрического и цифрового переходов. В документе отмечается, что европейские банки обеспечивают основную часть инвестиционного финансирования (75 % от общего объёма) и только 25 % приходится на рынки облигаций. В США пропорция обратная. Европейские банки «в одиночку не могут помочь ЕС выиграть глобальную гонку у тех, кто инвестирует больше, особенно у Соединённых Штатов». Посмотрим, сможет ли Европа на деле проявить такую же силу, как на словах.

Европейские хроники

Политическое отражение электрического и цифрового сражения

Электрификация автомобиля – «это промышленный выбор европейского империализма в конкуренции с США и Китаем»¹. В нынешних европейских дебатах отчётливо проступает геополитическое измерение и политическое отражение дарвиновской борьбы между компаниями за право пережить электрическую и цифровую реструктуризацию.

Борьба между державами

Согласно данным BloombergNEF, Китай инвестировал 546 млрд долл. в энергетический переход в ходе одного лишь 2022 года. Немецкое издание *Handelsblatt* пишет, что за последние десять лет Пекин «впрыснул ресурсов на сумму более 100 миллиардов долларов» в производство электромобилей с целью «осуществить то, что прежде не удавалось сделать с производством машин на двигателях внутреннего сгорания (ДВС) – возвести отечественные компании в ранг лидеров мирового рынка» (22 февраля). Сегодня Китай собирает плоды своей стратегии. На внутреннем рынке отечественные производители составляют серьёзную конкуренцию иностранному; страна имеет сильные позиции на вершине производственной цепочки в производстве аккумуляторов и переработке сырья.

ЕС переносит часть из 800 млрд евро пандемического фонда «Next Generation EU» в фонд «REPowerEU», а после прихода в Белый дом Джо Байдена к гонке присоединяются и Штаты. В частности, обеспокоенность в Европе вызывает американский Закон о борьбе с инфляцией (IRA), предусматривающий 369 млрд долл. субсидий и кредитов для «зелёных» технологий.

В ходе визита в Вашингтон 10 марта председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен анонсировала соглашение, призванное компенсировать факт исключения европейских производителей авто и аккумуляторов из списка возможных претендентов на американские субсидии. Тем не менее ещё остаются детали для обсуждения, и сохраняется неопределённость. Чтобы избежать угрозы декарнизации своей промышленности и для защиты конкурентоспособности в сражении за глобальное лидерство в высокотехнологичных отраслях промышленности, Брюссель презентует собственный Промышленный план «Зелёного курса». Он держится на четырёх столпах, первый из них состоит из трёх инициатив: Закона о нулевом уровне выбросов, Закона о критических сырьевых материалах и реформы рынка электроэнергии. Второй столп призван упростить финансирование проектов в стратегических отраслях посредством реформ правил конкуренции, а также государственной поддержки и условий доступа к существующим европейским фондам. Третий касается обучения и квалификации рабочей силы, задействованной в цифровой и энергетической реструктуризации. Наконец, четвёртый – сети торговых договоров, через которую ЕС пытается способствовать такой электрической и цифровой реструктуризации, которая соответствовала бы правилам ВТО.

Это принятие мультилатерализма может, однако, войти в конфликт с условиями доступа к американским субсидиям. *Politico.eu* полагает, что данное соглашение между ЕС и США может отчасти стать результатом обмена: Сое-

динённые Штаты откроют европейцам доступ к субсидиям IRA при условии, что Евросоюз займёт более жёсткую позицию в отношении Китая (9 марта).

Конец ДВС?

Таков контекст произошедшего внутри ЕС столкновения по поводу планов запрета продажи новых авто на ДВС начиная с 2035 года. Запрет был заблокирован после того, как возглавленное Италией и поддержанное среди прочих Польшей восстание получило содействие Германии. Эта группа стран претендует на «технологический нейтралитет», который предполагает, что политика не должна навязывать технологию, с помощью которой можно добиться сокращения выбросов. Цель её участников состоит в том, чтобы способствовать выживанию ДВС после 2035 года.

В начале года генеральный директор Renault Лука де Мео в речи по случаю своего избрания президентом Ассоциации европейских производителей автомобилей (ACEA) заверил, что производители целиком вовлечены в электрификацию автомобилей и уже инвестировали в неё 252 млрд евро. Если он и выступил в защиту «технологического нейтралитета», а значит, и ДВС, то преимущественно по той причине, что автопроизводители следуют разным стратегиям перехода.

Политическое отражение

«Многообразие капиталистических групп отражается в политическом плюрализме, а разнообразию центров экономической силы соответствует разнообразие политических позиций», – писал Арриго Черветто в статье «Мировой рынок и политические формы»². Это политическое отражение чётко видно. Будучи сторонником полной электрификации автомобиля, французское правительство поддерживает запрет на ДВС в 2035 году; компания ему составляет большинство стран Северной Европы. В правительственной коалиции Германии «зелёные» выступают целиком за электрификацию, а либералы из СвДП железно придерживаются «технологического нейтралитета». ХДС/ХСС в оппозиции разделяет позицию СвДП. СДПГ канцлера Олафа Шольца дистанцировалась от дебатов, но на практике, похоже, согласна с линией СвДП.

«Плюрализм является не столько идеологией, сколько экономической реальностью, в которой имеются предприятия, которые борются за то, чтобы преуспеть, и те, что стремятся избежать краха»³, – уточняет Черветто. В Италии, например, где существует широкий сектор производства автомобильных комплектующих, а также запаздывание во внедрении электромобиля и необходимой инфраструктуры в сравнении с другими европейскими странами, компании, которые «стремятся избежать краха», заставили услышать свой голос. Правительство Мелони выступило против конца эпохи ДВС.

Европейские выборы – 2024

В свете европейских выборов 2024 года итальянское правительство, похоже, сделало ставку на электоральный альянс, включающий в себя малый и средний бизнес автомобильного сектора и соответствующую сферу услуг, от авторемонтных и до станций обслуживания.

“МЫ – КИТАЙЦЫ”

Некоторые крупные немецкие группы настолько укоренены в Китае, что называют себя китайскими. Согласно *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung* от 5 февраля, эти компании используют стратегию регионализации «в Китае, для Китая». Они инвестируют, чтобы расположить там производство и цепочки поставок. Таким образом они надеются получить возможность изолировать китайскую часть предприятия в случае конфликта между Пекином и Западом. Эти группы громко выступают против декаплинга, но осуществляют “внутренний декаплинг”.

«Мы не должны ослаблять нашу позицию в Китае исключительно по политическим соображениям [...]. Декаплинг не может быть решением. [...] Пекин станет своего рода вторым головным офисом группы VW».

Ральф Брандштэттер, глава подразделения Volkswagen в Китае, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 17 января.

«С одной стороны, мы – международная группа, но в то же время на многих рынках нас рассматривают как местное предприятие, поскольку мы присутствуем там очень давно. Производим на месте для местных рынков, будь то Соединённые Штаты или Китай».

Роланд Буш, главный исполнительный директор Siemens, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 21 января.

«[Китай] очень динамичный [и] представляет уже почти 50 % мирового рынка в нашей индустрии. BASF имеет 12 миллиардов евро товарооборота в Китае».

Мартин Брудермюллер, главный исполнительный директор BASF, *Handelsblatt*, 17 ноября 2022.

Сюда можно добавить часть проживающих в пригородах автомобилистов, а также владельцев недвижимости, вступающих против энергетических стандартов жилищ, навязанных Брюсселем. Итальянский министр промышленности и *made in Italy* Адольфо Урсо недвусмысленно выразился: «Я убеждён, что позиция Италии будет в большинстве выборов и поменяются как Парламент, так и Комиссия» (*Corriere della Sera*, 5 марта).

План “Fit for 55” (“Готовность 55”), который санкционировал запрет на продажу авто на ДВС, имеет «клаузулу пересмотра», которая позволяет в 2026 году скорректировать цель сокращения выбросов. Оглядываясь на это обстоятельство, итальянское правительство, видимо, надеется на союз правой и крайне правой на европейских выборах: Европейской народной партии (ЕНП, в которую выходят среди прочих ХДС/ХСС, французские “Республиканцы”, “Вперёд, Италия!” и испанская Народная партия), группы Европейские консерваторы и реформисты (ЕКР, в том числе “Братья Италии”, “Вокс” и польская “Право и справедливость”) и группы “Идентичность и демократия” (в том числе “Национальное объединение” и “Лига”).

Манфред Вебер, президент Европейской народной партии и член баварского ХСС, сигнализировал о возможности сближения между ЕНП и ЕКР Джорджи Мелони. Он назвал имя мальтийской консерваторши Роберты Метсолы как возможного кандидата в председатели Еврокомиссии в 2024 году, который придёт на смену Урсулы фон дер Ляйен, и даже начал защищать жёсткие позиции по иммиграции. Тем не менее успех этой операции не гарантирован, учитывая критику со стороны ХДС/ХСС в Германии, а также отказ “Гражданской платформы” (партии поляка Дональда Туска и члена ЕНП) сотрудничать с “Пис” премьера Матеуша Моравецкого, которая входит в состав ЕКР.

Проди за рулём

Европейские выборы могут быть разыграны вокруг “зелёного кейса”, но это

не обязательно означает, что правая будет иметь монопольное право на защиту ДВС. На противоположном берегу итальянской парламентской политики прозвучал значимый голос Романо Проди. На первой странице *Il Messaggero* бывший председатель Совета ЕС и Еврокомиссии выразил «удивление» тем, что Европарламент высказался за конец ДВС и в пользу электромотора, который является «единственным производственным вариантом, где Китай и США на голову выше Европы». Поскольку электромобилям не нужны «фильтры, клапаны, головки, инжекторы, моноблоки, насосы, бензобаки», Проди оценивает, что в Италии будут потеряны «более пятидесяти тысяч рабочих мест». В заключение он задаётся вопросом, «являются ли столь радикальные решения в столь ограниченные сроки лучшим решением для защиты нашей планеты» (19 февраля).

При капитализме развитие производительных сил происходит в рамках логики извлечения прибыли. Нашему классу жизненно необходима автономия, она поможет избежать того, чтобы реструктуризация была оплачена наёмными работниками. Рабочие не должны быть вовлечены в столкновение жёлтых и зелёных жилетов. Мы – против попыток инструментализации со стороны тех, кто размахивает призраком неминуемых экологических катастроф как идеологией для защиты собственной позиции на мировом рынке “чистых” технологий; против тех, кто привязывает претензию на защиту рабочих мест в автомобилестроении к ксенофобской демагогии, беря на прицел наших товарищей по классу; а также против социал-империалистических позиций. Мы защищаем классовую автономию и классовую солидарность.

Lotta comunista, март 2023 г.

1 – Социальные последствия распространения электромобилей // Пролетарский интернационализм. 2020. Август. № 72.

2 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2010. С. 73.

3 – Там же. С. 74.

Российские хроники

Мрачные тренды экономической реальности

Президент Владимир Путин в послании Федеральному Собранию 21 февраля оптимистично заявил: «Мы не допустили просадки на рынке труда, напротив, добились снижения безработицы». Рынок труда, по его словам, стал «более комфортным».

Казалось бы, данные Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (25.01.2023) о том, что за 2022 год наёмные работники всей России лишь 24 раза объявляли забастовку, являются наглядным подтверждением описанной президентом идиллии.

Лукавые показатели безработицы

Действительно, особенностью российского рынка труда является его способность поддерживать низкий уровень безработицы. Этот факт общеизвестен, но в этом нет никакой заслуги Кремля: в постсоветской России тренд на снижение регистрируемой безработицы, которая достигла пика в 1996 году, стал наблюдаться ещё до начала «эпохи Путина», и во все последующие годы она не превышала 6 %. Дело в том, что, как отмечала МОТ в своём отчёте по итогам 18-й Международной конференции статистиков труда, в странах с низким коэффициентом замещения заработной платы пособием по безработице, к которым относится Россия, наёмные работники, потеряв прежнее рабочее место, быстро возвращаются на рынок труда. Кроме того, российские компании склонны не увольнять своих сотрудников, а переводить их на неполную занятость, а её широкое распространение приводит к недоиспользованию резервов рабочей силы. Сам Путин на совещании по экономическим вопросам в сентябре прошлого года говорил: «Сейчас в [...] простое, вынужденных отпусках или заняты неполный рабочий день почти 234 тысячи работников».

При этом рекордно низкий уровень безработицы может коррелировать с острой нехваткой квалифицированных кадров. Так, исследователи из Центра статистики труда и заработной платы Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ указывают на то, что доступные свободные резервы в России сравнительно невелики и в последние годы составляют около 24–28 % от числа безработных. «Ведомости» в статье от 18 января с красноречивым названием «Кадровый голод и локальная безработица: что ждёт рынок труда в 2023 году» приводили весьма пессимистичные оценки ЦБ и РСПП. Во многих отраслях усиливается нехватка рабочей силы. Самый большой дефицит кадров был зафиксирован на предприятиях лёгкой промышленности (-70 %), в машиностроении (-35 %) и на пищевых производствах (-25 %). Одной из наиболее пострадавших от отъезда специалистов за рубеж считается отрасль IT: по июльской оценке вице-премьера Дмитрия Чернышенко, российскому IT-рынку уже не доставало около 1 млн специалистов. В текущем году ВПК будет недоставать около 50 тыс. специалистов: речь идёт прежде всего о высококвалифицированных инженерах очень специфического профиля.

Война на Украине усугубляет дефицит рабочей силы в России и трансформирует рынок труда. Тем самым низкая безработица не только не является показателем «комфортности» рынка труда, но ещё и подрывает и без того не

высокую конкурентоспособность российского империализма.

Структурные изъяны

Проблема дефицита на рынке труда усугубляется злокачественными и, по-видимому, отчасти необратимыми изменениями его структуры. По данным *The Moscow Times* от 28 декабря, молодёжи на рынке труда сейчас «в два раза меньше, чем 10–15 лет назад, и в ближайшем десятилетии увеличение количества молодых работников не предвидится». А как утверждает Директор Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ Владимир Гимпельсон, «экономический рост нулевых происходил в условиях увеличения участия в экономике молодых и образованных россиян. По некоторым оценкам, до трети экономического роста в те годы принёс этот демографический дивиденд. Ближайшее десятилетие таким не будет – сейчас малочисленные поколения выходят на рынок труда».

Вторым аспектом является вновь обострившаяся проблема низкой отдачи от образования в России: в новом исследовании ВШЭ говорится, что с 2010-х годов в структуре безработицы растёт доля высокообразованных специалистов и происходит сближение заработков большинства профессионалов (рабочей силы с высшим образованием), квалифицированных и даже неквалифицированных рабочих. При этом уже перед началом пандемии столетия доход более 20 % профессионалов был ниже прожиточного минимума в регионе проживания либо превышал этот минимум, но не более чем в 1,5 раза.

«Ведомости» (27.08.2019) видят в *декавалификации кадров*, то есть в ситуации, в рамках которой выпускники не могут устроиться по специальности, так как на рынке труда больше востребованы работники с низкой квалификацией, главную причину «утечки мозгов» с российского рынка. Очевидно, что украинская война усугубляет и этот тренд. Частичная мобилизация и вызванная этим эмиграция лишили российский рынок труда сотен тысяч работников, причём значительная часть из них обладала высокой квалификацией. «Охоту за мозгами» начали Казахстан, Киргизия, Армения и Грузия, правящие классы которых понимают, что бегущая в эти государства квалифицированная российская рабочая сила будет способствовать росту и улучшению структуры их экономик и поэтому принимают различные меры для её удержания.

Отметим ещё один аспект. *The Moscow Times* от 13 декабря пишет, что из-за участвовавших арестов по делу о госизмене учёные начали опасаться вести деятельность в России. И это в условиях минимального за современную историю России количества учёных в стране: по итогам 2021 года число исследователей уменьшилось до 340,1 тыс., а общее количество научных работников, включая технический и вспомогательный персонал, с 2014 года сократилось на 10,5 %, до 662,7 тыс.

Становится холоднее

«Будущего в России стало меньше. На сотни тысяч единиц будущего меньше, чем в прошлом году», – пишет журналист Валерий Панюшкин (*The Moscow Times*, 12.12.2022).

По итогам 2022 года численность постоянного населения России сократилась ещё на 566 тысяч человек, сообщил

Росстат. За первые 10 месяцев прошлого года в России родились 1,092 млн детей – на 77,8 тыс. (-6,2 %) меньше, чем за тот же период 2021-го. Рождаемость – 9,8 ребёнка на 100 тыс. населения – стала минимальной с 2001 года. В условиях обострения демографической зимы Кремлю будет всё сложнее отвечать на стоящие перед ним вызовы.

Как мы отмечали, в основном демографическую динамику современной России предопределил тренд на падение рождаемости ниже уровня воспроизводства, который установился в 1960–1970-е годы и был усугублён кризисным периодом 1990-х годов¹. Пандемия столетия, а вслед за ней война на Украине увеличили смертность. Если низкая рождаемость является общей чертой всех государств достигших поздней империалистической зрелости, то высокий уровень смертности и низкая продолжительность жизни сближает Россию с наиболее отсталыми из развивающихся государств.

Итак, демографическая зима в России становится всё более лютой: детей становится меньше, поколения репродуктивных возрастов сокращаются, в том числе посредством их прямого уничтожения на фронтах войны. Да и эмигрирует в первую очередь молодёжь. Следовательно, тенденция к снижению рождаемости будет усиливаться, сжимая нижнюю часть демографической пирамиды. Такова объективная действительность, на фоне которой бравурные речи идеологической и политической прислуги российского империализма будут всё чаще резать слух наиболее чувствительных представителей класса наёмных рабочих и учащейся молодёжи.

Демограф Алексей Ракша утверждает, что нынешний кризис приведёт к снижению рождаемости, и произойдёт это «по объективным причинам», таким как «падение доходов, неуверенность в завтрашнем дне» («Новый проспект», 20.06.2022). Большинство гинекологов, репродуктологов и других специалистов, занимающихся планированием семьи, также считают, что в основном на рождаемость негативно влияют именно социальные факторы: инфляция, отсутствие достойной работы и жилья («Ведомости», 30.11.2022).

Вряд ли в этих условиях работает рецепт лидера ЛДПР Леонида Слуцкого, который призывает «побуждать женщин чувствовать себя уверенно и выполнять поставленные задачи в сфере демографии» («Ведомости», 14.02.2023).

Второе потерянное десятилетие

Надо сказать, что все названные факторы усугубляются в условиях отсутствия экономического роста: Россия имеет все шансы получить второе потерянное десятилетие, ещё хуже первого, так как речь будет идти уже не о стагнации, а о регрессе.

Амбициозная цель российской буржуазии, озвученная Путиным в декабре 2016 года в послании Федеральному Собранию, заключалась в том, чтобы «уже на рубеже 2019–2020 годов выйти на темпы экономического роста выше мировых».

Эта стратегическая цель Кремля была провалена. По данным Всемирного банка, темпы роста мировой экономики в 2019 году составили 2,4 %, в России же они были равны 1,2 %, то есть в два раза ниже. В 2020 году, в условиях пандемии столетия, мировая экономика упала на 3,2 %, российская чуть

меньше – на 2,7 %. В 2021 году произошёл сильный восстановительный рост, и глобальная экономика увеличилась на 5,9 %, российские темпы были ниже на 1,1 %. В прошлом году в условиях войны российская экономика упала на 3,5 % (по данным Росстата на 2,1 %), в то время как мировая выросла на 2,9 %.

Вряд ли в обозримой перспективе стоит ждать изменения тенденции.

Единственная перспектива

Все описанные явления являются трендами, которые разворачиваются годами. И идущая сейчас империалистическая война их только усугубляет.

В начале статьи мы приводили данные о количестве забастовок в России. Их крайне мало, но дело не в том, что притупились классовые противоречия и исчезли основания для борьбы за лучшие условия труда. Причин много, но первое место среди них, безусловно, занимает отсутствие действительно автономной классовой организации наёмных работников. Из 24 забастовок прошлого года «профсоюзы принимали участие в организации только четырёх из них» («Ведомости», 16.02.2023). При этом вхожие во все высшие коридоры власти профбонзы с показным социал-империалистическим рвением говорят об «освободительной операции на Украине» и важности поддержки «тех, кто исполняет воинский долг и отстаивает интересы нашей Родины» (сайт ФНПР, 31.10.2022).

«На чьей вы стороне?» – обращалась к неопределёвшимся рабочим во время шахтёрской забастовки 1912 года американская поэтесса Флоренс Рис. В отношении руководства российских «независимых» профсоюзов ответ на этот вопрос очевиден. В их лице мы имеем дело не с оппортунистическими руководителями рабочей организации, а с государственными чиновниками на профсоюзном поприще, которые в меру своих сил и способностей служат интересам российского империализма.

Тем временем для российских рабочих и молодёжи открывается печальная перспектива существования в среде крайне ограниченных возможностей для самореализации в сфере высококвалифицированного труда и науки. И это не говоря о реальной возможности быть отправленным на фронт умирать ради интересов буржуазии.

Наступают суровые новые двадцатые империалистического противостояния. По мере приближения их канонады будут усиливаться голоса сирен социал-шовинизма. Безусловно, найдутся мужественные духом пролетарии, которым классовое чутьё поможет понять, что враг в нашем доме. Но, как писал Ленин, только «сознательный и организованный пролетариат в состоянии дать отпор всякой попытке [...] сделать его простым орудием в руках буржуазии»². Следовательно, насущной необходимостью становится выбор в пользу пролетарского интернационализма, то есть сознательной и организованной борьбы за дело всего человечества.

Март 2023 г.

1 – См. «Демография как зеркало столетия войны и революций» // «Пролетарский интернационализм» № 51. Ноябрь 2018; «Демография как зеркало упадка» // «Пролетарский интернационализм» № 52. Декабрь 2018.

2 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 8. С. 184.

Сеул гонится за Токио в *Zeitenwende*

В конце февраля японский парламент подписал бюджетный план на 2023 год, который включает первый транш размером 315 млрд долларов для пятилетней программы перевооружения. По сравнению с показателем 2022 года эта сумма увеличилась на 50 млрд, то есть на 20 %. 1,6 млрд будет потрачено на покупку 400 крылатых ракет "Tomahawk", которые с 2026 года будут развёрнуты на кораблях ВМФ. Как уточнил премьер Фумио Кисида, речь идёт о ракетах последней модификации, поставленных на вооружение американских ВМС в 2021 году, имеющих дальность 1.600 км и «способных осуществлять манёвры уклонения, избегая перехвата». С 2027 года Токио планирует начать производство «японских томагавков», как их называет консервативная газета "Санкэй Симбун", чтобы к 2030 году располагать арсеналом из 1.500 ракет большой дальности.

«Подземные толчки» войны на Украине

Официальное введение крылатых ракет в арсенал является конкретным проявлением японской *Zeitenwende* наряду с назначением Ёсихидэ Ёсиды на пост главы комитета начальников штабов, то есть основного военного советника премьера. 60-летний Ёсида, как пишет "Асахи Симбун", стал первым за три десятилетия главой объединённого комитета, пришедшим из оперативных формирований, а не из Национальной академии обороны. После назначения на пост генштаба армии в марте 2021 года он объявил, что считает сдерживание «мечом, который не стоит вынимать из ножен». Тем не менее он ярый сторонник жёсткой «оперативной готовности» вооружённых сил, которые должны быть способны «ответить на любую экстренную ситуацию».

В начале марта Кисида рассказал о будущем пересмотре так называемых «трёх принципов экспорта вооружений». Как и в случае «трёх неядерных принципов», введённых правительством Ёйсаку Сато в 60-е годы, речь идёт не о законодательных или конституционных нормах, а о критериях самоограничения в экспорте оружия, установленных с 70-х годов одновременно с планкой размера военных расходов в 1 % ВВП. Пересмотр, считает *Nikkei*, позволит Токио поставлять «летальное оружие» Киеву.

Эти дебаты начинаются также и в Сеуле, который уже поставил боеприпасы для артиллерии, пусть и непрямым способом, через их продажу Пентагону. Представители администрации Джо Байдена, появившиеся на страницах южнокорейской прессы, предложили, чтобы Сеул обошёл собственные ограничения на оружейный экспорт воюющим странам через продажу вооружений Польше, которая, в свою очередь, переправила бы их Киеву.

Сегодня Сеул рассматривает *подземные толчки*, вызванные войной на Украине, как трамплин для того, чтобы подняться в иерархии крупнейших экспортёров оружия, и имеет амбиции в 2030 году перейти с восьмого места на четвёртое, обогнав Францию. Токио, чей ВПК несколько атрофировался за период одного процента, должен вос-

становить массовое производство, чтобы заполнить собственный арсенал, но следит за государственными проектами перевооружения, которые осуществляют все игроки на азиатской шахматной доске.

Zeitenwende в Сеуле

С точки зрения южнокорейской печати, ряд заявлений президента Юн Сок Ёля, начиная от перезапуска развития национального ядерного арсенала и желания укрепить военное сотрудничество со Страной восходящего солнца с перспективой трёхстороннего союза с США, можно определить как сеульскую *«Zeitenwende»*.

В начале марта по случаю юбилея манифестаций за независимость 1919 года Юн подтвердил, что «Япония превратилась из милитаристского и империалистического агрессора в партнёра, который разделяет те же универсальные ценности, что и Корея». Он подчеркнул, что сотрудничество между Южной Кореей, Японией и США является сегодня «как никогда необходимым, чтобы противостоять кризисам безопасности», таким как ядерные угрозы Пхеньяна или другие «мировые ситуации». Шестого марта Юн представил одностороннее решение, как закончить судебное разбирательство с Токио по поводу «компенсации» корейским рабочим, эксплуатировавшимся японской промышленностью во время второй мировой войны. Этот вопрос отсылает к договору 1965 года о нормализации дипломатических отношений, но он всегда оставался причиной трений между двумя странами, которые усугублялись динамикой внутренней политики, особенно в Южной Корее. После кризиса консервативного президентства Пак Кын Хе, отправленного в отставку в 2017 году, вопрос перешёл в руки прогрессиста Мун Чжэ Ина, занимавшего пост главы государства до прошлого мая.

Мун, сформировавшийся среди диссидентов, студентов из оппозиции авторитарному режиму Пак Чжон Хи (1961–1979) и Чон Ду Хвана (1980–1988), раскритиковал договорённости между Пак и Абэ, достигнутые в 2015 году. В 2018 году Верховный суд Южной Кореи потребовал ареста активов двух крупных японских групп *Mitsubishi* и *Nippon Steel* в счёт компенсации для 18 бывших корейских рабочих, отправленных на принудительный труд. Токио ответил в 2019 году запретом на экспорт сырья для производства полупроводников в Южной Корее. Мун заморозил также договорённости 2013 года о совместной деятельности военной разведки, чтобы успокоить Пекин, который в 2016 году принял меры по экономическому бойкоту южнокорейских компаний. Сформулировав «декларацию трёх нет», Сеул обязывался: не расширять развёртывание американских систем ПРО ТНААД, главную причину конфликта с Драконом; не интегрировать собственные противоракетные системы в американскую сеть; не стремиться к какому бы то ни было «трёхстороннему альянсу» с Вашингтоном и Токио. Сеул демонстрировал позицию с акцентом на «национальный нейтралитет», которой способствовал также некоторый прокитайский

тропизм, и дистанцирование от Вашингтона, присутствующее в южнокорейском национализме.

«Креветка среди китов»

Ким Дэ Чжун (1924–2009), давний противник режима Пак Чжон Хи и первый президент-католик с 1997 по 2003 год, сравнивал положение корейского полуострова с тем, в котором находится «креветка среди китов». Он имел в виду, что полуостров является объектом appetitов крупных соседних держав – Китая, России и Японии – и полем сражения в определении сфер влияния в Азии. Условия геополитической уязвимости усугублялись драчливым характером внутрикорейских политических сил с их сильным регионализмом.

Корейская война 1950 года рассматривается как первый вооружённый конфликт холодной войны, но в основе его лежала начавшаяся в 1946 году гражданская война между двумя политическими режимами в Пхеньяне и Сеуле. Как отмечает Виктор Ча, бывший директор отделения Совета национальной безопасности по Северо-Восточной Азии с 2004 по 2007 год, включение Сеула в сеть двусторонних американских союзов в регионе произошло скорее *по умолчанию*, а не по конкретному плану, аналогично Тайваню. Ещё в январе 1950 года госсекретарь Дин Ачесон исключил и Сеул, и Тайбэй из тихоокеанского «периметра безопасности» Вашингтона в Азии – так называемой «первой островной цепи», – проходящего через японский и филиппинский архипелаги. Руководство в Вашингтоне не хотело брать на себя прямые гарантии безопасности на азиатском континенте, которые могли бы вовлечь США в конфликт с Китаем и СССР.

Следствием войны в Корее стали расширение двусторонних союзов в регионе и формирование «неформальной американской империи» в Азии, где асимметрия силы позволяла Вашингтону иметь «право вето» в «суверенных решениях» союзников, начиная с Токио. Стратегия США намеренно отказалась от создания «азиатской многосторонней системы» в сфере экономики и безопасности, «чтобы не разбавлять» свою централизацию силы в Тихоокеанском регионе; она работала на то, чтобы «сдерживать, тормозить или давать направление» своим союзникам. Приоритетной целью было ограничить пространство для автономного действия Токио, чтобы последний снова стал рассматривать Китай только как «дополнительный рынок», предпочитая направлять своё послевоенное восстановление в сторону Юго-Восточной Азии («Powerplay», 2016).

Ча, кореец по происхождению, подчёркивает, что условия, навязанные Вашингтоном Сеулу при подписании двустороннего союза, были признанием перемирия 1953 года, то есть разделения полуострова вдоль 38 параллели.

«Последний солдат японской императорской армии»

В целях экономического роста южнокорейский национализм, особенно в тридцатилетний период авторитаризма, использовал как военные и экономические гарантии Вашингтона, так и

проникновение капиталов Токио. Пака Чжон Хи, убитого в 1979 году главой собственной секретной службы, можно считать максимальным выражением двойственного отношения Южной Кореи с Японией. Бывший посол, историк дипломатии и советник Синдзо Абэ Хисахико Окадзаки (1930–2014) называл его «последним солдатом японской императорской армии».

Пак, получивший образование в японских военных академиях в Маньчжурии, был большим поклонником Реставрации Мэйдзи – японской модернизации второй половины XIX века. С точки зрения биографов, он был и сторонником национал-популизма японских вооружённых сил в 30-е годы, которые как раз в Маньчжурии продвигали модель ускоренного экономического развития, направляемого государством. Согласно видению Пака, корейская революция сверху, использующая смесь авторитаризма и технократии, была путём трансформации Южной Кореи во «вторую Японию», способную на равных разговаривать с бывшей колониальной державой и избежать подчинения Вашингтону.

Договор 1965 года был «большой сделкой», нормализацией отношений с Токио, чтобы получить капиталы, необходимые для развития тяжёлой промышленности, «влести» японскую экономику в южнокорейский рынок и присоединиться к «клину гусей» – модели экономического развития Азии, во главе которой располагалась Япония. Чтобы укрепить американские гарантии и продвигать модернизацию вооружённых сил, Пак отправил 300 тыс. солдат в Южный Вьетнам. Этот контингент был выведен после ухода американского в 1973 году, тем самым Пак пошёл навстречу необходимости для администрации Никсона добиться «почётного ухода» из конфликта для США, то есть замедлив падение режима Сайгона.

Пак искал, однако, и автономной гарантии, с 1971 года приняв ядерную и ракетную программу, которая получила поддержку французов и канадцев. Эта программа, пережившая его убийство, была одновременно инструментом давления и стратегической гарантии в отношении односторонних решений Вашингтона, а именно его *квази-альянса* с Пекином и сокращения военного присутствия американцев в Азии («The Park Chung-hee Era», 2011).

Сегодня, в изменившихся условиях, Юн, кажется, оглядывается на дозировки Пак и открыто ищет сближения с Японией, которая возвращает себе стратегическую свободу манёвра. С точки зрения *Korea Herald*, говоря «в один голос», Токио и Сеул могут или добиться согласия Штатов на механизм «совместного владения ядерным оружием», сходный с существующим в НАТО, или ослабить американское давление в сторону *декаплинга* двух стран от китайского технологического рынка, а также побудить Вашингтон пересмотреть «дискриминирующие меры» экономических законов: закона о борьбе с инфляцией, закона о чипах и закона о науке.

Борьба с коронавирусом

Китай приспосабливается к Covid

7 декабря Китай официально отказался от политики нулевой терпимости по отношению к Covid. Инфекционист Чжан Вэньхун предсказывал, что в течение месяца китайская система здравоохранения столкнется с «самым темным часом» (*The Economist*, 24 декабря 2022). Чжан возглавляет Центр инфекционных заболеваний в больнице Хуашань при Фуданьском университете в Шанхае и Национальный центр инфекционных заболеваний.

Авторитетное предупреждение нашло отклик в подконтрольных государству СМИ. В них пик заболеваемости Covid-19 был предсказан в конце декабря, а подъему эпидемической волны в целом отводилось шесть месяцев (*Global Times*, 11 декабря).

Нулевая терпимость к Covid на канатах

С начала января 2020 года по конец февраля 2022-го в Китае зарегистрировано около 300 тысяч случаев заболевания Covid-19 и 6 тысяч смертей. В первую неделю февраля прошлого года регистрировалось менее 300 новых случаев заражения в день и казалось, что эпидемия находится под контролем, но в течение месяца число заражений стало стремительно расти. Весной разлилась новая волна на основе штамма Омикрон. В период с марта по ноябрь зафиксировано 9,4 миллиона заболевших и около 24 тысячи смертей.

Таковы официальные данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). С самого начала пандемии существуют подозрения, что китайские данные занижают фактическое положение дел. Однако, согласно *New York Times*, «большинство экспертов» считает, что официальные подсчеты были, «по крайней мере, близки к реальности в течение большей части двух последних лет» (4 февраля 2022). Как бы то ни было, тенденция указывает на новый всплеск заболеваемости, который ранее уже охватил Европу и Америку.

По данным *Financial Times*, к началу марта 2022 года по меньшей мере 17 провинций должны были подготовить планы действий на случай непредвиденных обстоятельств. Двумя годами ранее меры сдерживания были драконовскими, но относительно непродолжительными. Только в Ухане и Хубэе локдауны были отменены спустя три месяца.

Однако с приходом новой волны стратегия нулевой терпимости к Covid, проводимая китайским правительством, столкнулась с гораздо более заразным штаммом вируса. В апреле японский банк Nomura подсчитал, что 23 города и почти 200 миллионов человек находились в режиме полного или частичного локдауна, а возможность передвижения была «существенно ограничена на большей части территории Китая» (*Financial Times*, 8 апреля 2022). Месяц спустя это число, уже в 46 городах, выросло до 345 миллионов человек. Согласно Nomura, по состоянию на 10 мая около 30 % национального экономического производства находилось под той или иной формой ограничений.

Нулевая терпимость к Covid предусматривала миллионы массовых тестов, обязательные карантинные в специальных учреждениях, домашнюю изоляцию даже для тех, кто всего лишь контактировал с заболевшими, огораживание зданий и целых жилых кварталов, вплоть до закрытия целого города. Ограничительные меры применялись даже в условиях незначительного числа случаев заражения. По срав-

нению с начальной фазой пандемии, локдауны казались «бесконечными» и часто объявлялись без предупреждения. В Шанхае они продолжались два месяца: хотя Ухань является важным промышленным городом, Шанхай – главный экономический, финансовый и торговый центр Китая, его «ворота» в мир. По оценкам Nomura, 5 декабря более 452 миллионов жителей всё ещё находятся под действием ограничений различной степени (*The Economist*, 10 декабря).

Неприемлемые издержки

В циркуляре, опубликованном официальным информационным агентством «Синьхуа» 7 декабря, Государственный совет Китайской Народной Республики постановляет об отмене большинства наиболее суровых и стесняющих мер, предписав реализовать «десять мер профилактики и контроля» для «сдерживания эпидемии более научным и сфокусированным образом с учётом новейшей эпидемической ситуации и мутаций вируса».

Новый план отменяет требование отрицательного молекулярного теста и проверки «санитарного кода» как условия доступа в общественные места и транспорт или поездок в другие регионы; он также санкционирует карантин на дому для тех, кто переносит болезнь в лёгкой форме или бессимптомно, а также тех, кто имеет близкие контакты с заболевшим. Закрытие целых жилых районов, местных сообществ или городов больше не предусматривается. «Три столпа» прежней политики – массовое тестирование, централизованные карантинные и локдауны – были демонтированы.

Лян Ваньянь, руководитель группы по Covid-19 Национальной комиссии по здравоохранению, на пресс-конференции отметил, что «оптимизированные меры» отвечают «новым характеристикам штаммов коронавируса» и «направлены на обеспечение эффективного распределения ресурсов». Ван Гуанфа, эксперт по респираторным заболеваниям из Первой больницы при Пекинском университете, высказался более определённо: «Сохранение прежних мер принесло бы ограниченную выгоду при гораздо более высокой цене», сейчас необходимо «использовать ресурсы там, где они наиболее необходимы» (*Global Times*, 7 декабря). По мнению экспертов комиссии по здравоохранению, применительно к доминирующему штамму Омикрон, который гораздо более заразен, хотя и менее вирулентен, «прежний подход к предотвращению эпидемии [является] слишком дорогостоящим, и в конечном итоге он стал неэффективным» (*Global Times*, 8 декабря). Вирус больше не может быть остановлен, и стратегия нулевой терпимости к Covid перестала быть приемлемой.

Централизм и местные автономии

Переворот в управлении пандемией описывают как «неожиданное» изменение курса. В действительности же некоторые местные власти подготовили почву для новой политики в сфере здравоохранения, начав «эксперименты» по ослаблению ограничений на движение транспорта, постепенному открытию производственных площадок и предприятий, особенно в крупных городах и основных экономических центрах.

Ещё в мае, задолго до ноябрьских протестов, Лян Ваньянь озвучил следующую рекомендацию: политика «динамической нулевой терпимости к Covid» не означает закрытия городов, а

направлена на то, чтобы «по возможности избежать локдауна целых городов», принимая надлежащие меры для «достижения баланса между профилактикой и контролем эпидемии» (*Global Times*, 6 мая 2022 года).

Циркуляр от 7 декабря намекает на неразбериху в применении правительственных постановлений местными властями. «От компетентных ведомств на местах требуется устранить слишком упрощённые или универсальные подходы и чрезмерные политические меры», а также «обуздать ненужные формальности и бюрократию» с целью «минимизации воздействия эпидемии на экономическое и социальное развитие» («Синьхуа»).

Месяцем ранее правительство уже распорядилось принять «20 улучшенных мер по борьбе с Covid-19» в условиях возникшей тяжёлой эпидемиологической ситуации («Жэньминь жибао», 11 ноября). Стратегия нулевой терпимости к Covid была подтверждена, но с некоторыми послаблениями, такими как сокращение карантина для тех, кто находился в тесном контакте с заболевшими и для въезжающих в Китай лиц. В конце ноября Национальная комиссия по здравоохранению решила направить «рабочие группы» для исправления ошибок, допущенных местными властями при внедрении новых рекомендаций (*Global Times*, 28 ноября). Комиссия обнаружила «две полярные, но ошибочные тенденции»: от «полного закрытия» целых городов до «отсутствия мер предосторожности» вместо более гибкого подхода и адаптации к различным местным условиям, эпидемиологической ситуации и объёму медицинских ресурсов. Кое-где местные власти «не полностью следовали новым мерам» и предпринимали «чрезмерные политические шаги, увеличивая нагрузку на местные медицинские ресурсы». В ряде городов, напротив, массовое тестирование было «должным образом» сокращено: от этой обязанности освободили жителей не занимающихся «общественной деятельностью». В Пекине, в районе, наиболее пострадавшем от эпидемии, «ограничения были сняты в 75 зонах повышенного риска». В некоторых районах пытаются проводить сомнительные молекулярные самотесты, в других тем, кому ранее было нельзя выходить из дома, теперь в ряде случаев разрешили это делать.

Столкнувшись с уличными протестами, Пекин обвинил местные власти в неправильном управлении эпидемией и «чрезмерном усердии». По словам представителя Национальной администрации по профилактике и контролю заболеваний Чэн Юцюаня, некоторые местные власти «произвольно расширили сферу охвата контролируемых территорий и людей» или ввели «ограничения на слишком длительные периоды времени и внедрили тактику управления профилактикой и контролем без необходимого разрешения» (*Il Sole-24 Ore*, 30 ноября).

Согласно *Financial Times*, «эксперименты» по уходу от жёстких локдаунов, особенно в крупных экономических центрах, были вдохновлены центральным правительством (1 декабря). Как пишет *Global Times*, «гибкая политика» нашла поддержку в деловом мире. Действительно, к 5 декабря, по крайней мере, дюжина городов уже находилась в стадии отказа от политики нулевой терпимости к Covid.

Общественное недовольство

Неготовность и дальше терпеть постоянные стеснения взяла своё. Некоторые ограниченные протесты успели вовлечь студентов двух престижных

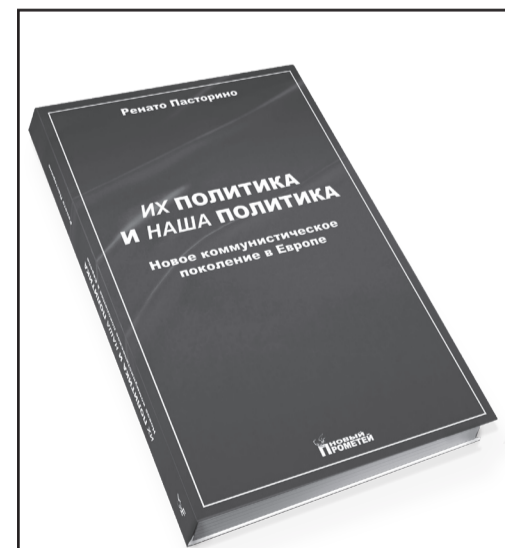
пекинских университетов в мае, заставив их администрации закрыть кампусы (*Financial Times*, 25 мая). В ноябре гибель по меньшей мере десяти рабочих в Урумчи, столице Синцзяна, в результате пожара в доме, из которого они не выходили более трёх месяцев, вызвала беспорядки в 20 городах, включая Шанхай, Пекин, Нанкин, Ухань и брожение в десятках университетов.

«Протесты объединили широкую коалицию интересов: фабричных рабочих, владельцев магазинов, студентов и представителей городской элиты». Каждый пришёл туда со своим грузом страданий, пережитых во время нулевой терпимости к Covid, от потери зарплаты до ограничения передвижения, отмечает *Financial Times*, однако протесты имели «относительно скромный» масштаб и в основном мирный характер (29 ноября). Рабочие-мигранты в промышленном центре Гуанчжоу протестовали потому что им не хватало пищи, поскольку они не могли выйти из дома. Кое-где, например, в Шанхае, демонстрации приобретали политическую окраску против председателя Си Цзиньпина.

Ян Бреммер, председатель Eurasia Group, говорит, что протесты не имели большого политического значения. Люди возмущены, но «они требуют свободы передвижения, а не политической свободы». «Это самый серьёзный кризис, с которым Си Цзиньпину пришлось иметь дело с тех пор, как он принял руководство страной десять лет назад. Но в конечном итоге эта стратегия [нулевой терпимости к Covid] ведёт к большему экономическому ущербу, чем к большим политическим потрясениям» (*Il Sole-24 Ore*, 28 ноября).

После отказа от стратегии нулевой терпимости к Covid правительство приостановило обновление эпидемиологических данных. По оценкам, число инфицированных исчисляется сотнями миллионов, более миллиона погибло, а слабая система здравоохранения перегружена (*New York Times*, 15 февраля). «Экономической катастрофе», Китай предпочёл риск «катастрофы в области здравоохранения».

Lotta comunista, март 2023 г.

Ренато Пасторино
Их политика и наша политика

288 страниц,
твёрдый переплет,
список аббревиатур,
хронология, библиография,
биографический справочник.

ISBN 978-5-6042357-2-0

Цена 350 руб

Гиганты Азии: дилеммы китайского однопартийного плюрализма

Эмпирические закономерности континентальных надстроек

Из предисловия к готовящейся к изданию на итальянском языке книги Джулио Мотози "Democrazia imperialista in Cina".

Политическая закономерность развития государственных структур континентального масштаба заключается в формировании плюрализма буржуазных фракций, взаимодействующих в диалектике между центром и региональными властями, с вариациями и градациями американского, европейского, китайского, индийского и т. п. типов. Начнём с некоторых эмпирических закономерностей континентальных надстроек, упомянутых в книге "L'Europa e lo stato"¹.

Во-первых: «Плюрализм групп и фракций имеет тенденцию выражаться в плюрализме региональных течений. Политическая централизация требует, наряду с обеспечением политической власти центра государства, организации территориальных властей. Баланс сил включает в себя динамику отношений между регионами и центром, подразумевающую создание коалиций между регионами против центра, коалиций с целью влияния на центр, коалиций одной части регионов с центром против других региональных группировок».

В этом свете можно рассмотреть формулу Дэн Сяопина «пять озёр и четыре моря» в плюрализме мандаринов: представители ключевых региональных областей и региональные власти Китая имели разные отношения с Пекином. Именно это вдохновляло создание военных округов в 1950-х гг. Развитие «культурной революции» тогда во многом зависело от этой динамики, то есть от переплетения «январской» и «февральской» коалиций в Пекине с военными объединениями и движениями в провинциях. Даже спустя десятилетия этот анализ остаётся ключевым инструментом понимания китайской политики. Изучение биографий и территориальных связей членов Политбюро также имеет определённую ценность, если только не попадётся в ловушку унаследованного от «кремлюнологии» биографического детерминизма.

Во-вторых: «Время политической реакции увеличивается из-за большей сложности этого метаболизма, так что преимущество массы, задействованной в империалистическом противостоянии, нивелируется, по крайней мере частично, недостатком скорости». Показательным примером является время реакции американского империализма во втором империалистическом конфликте: в Европе Германия пытается осуществить военную централизацию континента, быстро побеждая Францию; в Америке Рузвельту требуется 2 года борьбы против изоляционизма Великих озёр и внутренних районов, чтобы привести Соединённые Штаты к войне. Что касается времени Германии, а тем более Японии, то там остаётся незавершённой военной централизацией континентального масштаба, необходимая для противостояния американской двухокеанской державе, которая, как только приходит в движение, благодаря своей массе и своим альянсам способна компенсировать собственную медлительность.

Китай Чан Кайши формально входил в союз Лондона и Москвы, но оказался расколот в гражданской войне, на ход которой оказывали влияние США, СССР и прежде всего Япония, для которых централизация его континентальной массы – уровень капиталистического развития, которой в любом случае был ограничен – являлась нежелательной. Маоизм, а затем

Дэн Сяопин с его «педагогической войной» 1979 года продемонстрирует, что решение о начале войны может приниматься быстро, даже вопреки мнению военных кадров, но для сегодняшнего империалистического Китая не существует прецедента регионального сопротивления или выбора сроков принятия решения о войне.

В-третьих, «этот аспект континентального политического цикла, предназначенный для поглощения энергии в процессе внутренней консолидации и с неизбежно более длительными сроками централизации», можно обнаружить в конкретных политических выражениях великих держав. В Европе, где государства обладают историческим влиянием и имеет место длительный процесс континентальной интеграции, но и в других державах, где масса может поглощать время, как в Индии, или неспособности выдержать ускоренный темп противостояния, как в бывшем СССР.

Приведём суждение об Индии бывшего премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю: «Страна нереализованных масштабов» с «ограничениями в конституционной и политической системе, которые препятствуют высокой скорости» принятия решений, что вызвано сложным метаболизмом политического синтеза между центром и различными штатами. Что касается внутрикитайской диалектики, то она настолько закономерна, что была зафиксирована в официальных документах. Так, в документе "China and the World in the New Era" ("Китай и мир в новую эпоху"), опубликованном правительством в сентябре 2019 года, написано: «Учитывая огромную территорию Китая и сложные национальные условия, управление им исключительно сложно. Без централизованного, единого и твёрдого руководства Китай был бы склонен к разделению и распаду».

В XIX веке, так называемом «веке унижений», когда китайский центр был слаб, эта диалектика проявлялась в появлении «полевых командиров» и во вторжении империализмов через региональные линии разлома. Когда же Пекин попытался вновь приобрести централизованный контроль над материковым Китаем, то столкнулся с несколькими фазами и эпизодами внутренней войны, как политической, так и военной. И он выиграл её, но лишь установив баланс сил, который Чжэн Юннань, Анри Эйро и др. называли «федерализмом де-факто»: последний потребляет большое количество политической энергии и, согласно формулировкам этих исследователей, должен быть как-то регламентирован или институционализирован, чтобы освободить её для внешнего противостояния.

Некоторые наработки для изучения континентальных политических форм формирующегося империализма – тогда американского, а сегодня китайского – может дать анализ Энгельсом восхождения Соединённых Штатов в конце XIX века. Основное внимание он уделял рассмотрению баланса между государствами и классами, который американское вторжение могло подорвать в Европе, а переход от протекционизма к либеризму позволил Энгельсу предвидеть некоторые черты империалистической демократии. Так и сегодня анализ политических форм и оболочки в Китае является составной частью более общей оценки противоречий, порождённых новой континентальной державой на стратегическом уровне. В анализе Энгельса время мирового цикла и баланс сил были связаны в стратегическом прогнозе кризиса конца века, в котором сходились ко-

нец британской монополии, вторжение Соединённых Штатов, участие Германии и Франции в разделе мира и, наконец, азиатский фактор в лице китайско-японской войны 1894–1895 годов.

Группа континентальных политических закономерностей, описанных Энгельсом, касается внутренней борьбы Соединённых Штатов за открытие, то есть переход от протекционизма к либеризму: эта борьба была вызвана неодинаковой степенью интернационализации региональных фракций и секторов, которые имели свои политические выражения в американском континентальном теле. Здесь можно провести аналогию с ходом процесса «реформ и открытости» в Китае и его присоединения к ВТО, сопровождавшегося появлением внутренних разнонаправленных движений, которые возникли именно в силу того, что в рамках континентального целого невозможно совпадение уровней развития всех его частей и равновесие между ними, и это приводит к дроблению фракций на те, что поддерживают открытие, и те, что выступают за экономическую защиту.

Другое направление анализа Энгельса выходит из критики локалистского и мелкобуржуазного федерализма XIX века, особенно в Германии, и предвосхищает империалистический федерализм, осуществлённый Соединёнными Штатами в конце XIX века, особенно в отношении Восточного побережья, и эту форму можно рассматривать как инструмент, который затем утвердит себя в континентальной политической централизации XX века. Столетие спустя эта аналогия приводит нас к империалистическому развитию федерализма в китайских провинциях, поскольку именно через них реализуется то, что в других формулировках описывается как некая многопартийность в одной партии.

Показательно эссе Ху Анъана для китайской Академии общественных наук, написанное в 1993 году вместе с Ван Шаогуаном, который затем работал в Йельском университете, а ныне занят в Китайском университете Гонконга, где также преподаёт Чжэн Юннань. Там предвосхитил налоговую реформу 1994 году, заявив, что «финансовая способность государства к извлечению является наиболее важным аспектом» и «фундаментом» его «принуждающей силы».

Такое принуждение понимается, в частности, как принуждение в отношении провинций. Авторы отстаивают необходимость государственного интервенционизма молодых капитализмов: «Чем более отстала экономика страны и чем позже она начинает делать первые шаги к индустриализации, тем больше будет роль государства». В случае с Китаем запоздалая промышленная революция объясняется «отсутствием мощного центрального правительства», поскольку даже Гоминьдан собирал объём налогов, эквивалентный максимум 7 % ВВП. КПК увеличила этот показатель до 33 % ВВП, но в 1950-х и 1960-х гг. процесс централизации колебался.

Бюджетные споры 1980-е годов снизили долю центра в общем объёме налогов по сравнению с провинциями с 31 % в 1978 году до 15 % в 1992-м. Таким образом, мы получили «слабый центр». Это, в свою очередь, связано с уменьшением относительной доли доходов, получаемых от государственного капитализма, в то время как уклонение от уплаты налогов свирепствует буквально во всех секторах китайского капитализма и затрагивает до 50 % государственных предприятий, 60 % коллективных и 80 %

частных компаний, а также 90 % индивидуальных предпринимателей, особенно на юге страны. Если перевести это на политический язык, то можно сказать, что Китай «в высшей степени унифицированным и централизованным образом контролируется одной политической партией», но «государственный аппарат не является монолитным образованием».

Партия – одна-единственная, но государство не монолитно, в этом и состоит главная проблема централизации плюрализма сил молодой китайской державы. «Полномочия по принятию экономических решений стали крайне рассеянными, способность центрального правительства контролировать правительство других уровней стала крайне ограниченной, а местные органы власти уже сформировали множество субъектов экономических интересов, независимых от центра». У провинций слишком много власти, их «финансовая власть слишком расширилась, у них чрезмерная власть, и они слишком сильно вмешиваются в экономику».

Авторы не жалеют слов, чтобы описать плюрализм провинций, который действует внутри партии и государства: «До сегодняшнего дня не было ни одной политической партии или общественной организации на материковом Китае, которая осмелилась бы бросить вызов КПК или государственной власти, [но] угроза исходит от некоторых местных органов власти в рамках Компартии и государственного аппарата, обладающих более сильным чувством собственного особого интереса, самосознания и растущей силы самоуправления». Центр в лице Пекина противостоит угрозе со стороны провинций, часто смещая или перемещая местных политических лидеров. Но в глубине души он понимает, что из-за неравномерного развития «плюрализация экономической и политической власти серьёзно ослабила возможности государства».

Это объективный процесс, который государство может централизовать, но не может предотвратить. В какой-то степени это эссе предвосхитило содержание реформы 1994 года, призванной увеличить налоговые поступления, особенно в пользу центра, по отношению к национальному доходу, но в контексте централизации, которая не исключает плюрализма: «В то же время мы должны расширить возможности для местных органов власти участвовать в процессе принятия решений в центре, а также их право выражать местные интересы и заботы и участвовать в распределении ресурсов общества в целом. Мы должны позволить центру и местам прийти к компромиссу или соглашению, обменивать политическую власть на экономические интересы. Должны быть какие-то взаимные уступки: сначала что-то даёшь [местным органам власти], а потом можешь что-то от них получить».

Наряду с «современной системой бюджетных трансфертов» возникает политическая концепция баланса сил, достигаемого через отношения с провинциями: «Разделение власти между Центром и местными правительствами должно осуществляться с учётом положений писаной Конституции. Нам необходимо создать современную и стабильную структуру власти и политическую систему; в конце концов, это самое фундаментальное, что мы можем сделать для обеспечения долгосрочного мира и стабильности в стране».

Lotta comunista, февраль 2023 г.

1 – «Европа и государство».

Регионализация и вертикализация

Неслучайно ключом к размышлениям Ли Куан Ю, когда он связывает развитие китайских городов с плюрализмом политических форм, являются провинции. По мнению бывшего премьер-министра Сингапура, урбанистическое развитие, сопровождаемое распространением телевидения и современных коммуникационных технологий, могло бы сделать государственную систему «устаревшей», если бы китайское руководство не пошло на её прагматичную корректировку.

По мнению Ли, центр в Пекине должен был сохранить жёсткий контроль над внутренней безопасностью, но в то же время ослабить свою хватку, «предоставив больше власти провинциям и городам». Его прогнозы собраны в книге 2013 года «*Lee Kuan Yew: The Grand Master's Insights on China, the United States, and the World*»¹. Китай не станет «либеральной демократией», потому что в противном случае он «рухнет», говорит Ли. Но парламентская демократия возможна в небольших городах. Безусловно, «нынешняя система не останется без изменений в течение следующих 50 лет», но китайские руководители готовы испробовать все методы, кроме многопартийности, из-за «глубокого опасения нестабильности многопартийной системы, которая привела бы, – отметим это, – к утрате контроля центра над провинциями с ужасающими последствиями, такими как возникновение “полевых командиров” в 1920-х и 1930-х годах». И прогнозы Ли подтвердил Дэн Сяопин, когда он, прежде чем выбрать постепенное смягчение в долгосрочной перспективе, приказал подавить демонстрации в июне 1989 года. Это военное положение было направлено в первую очередь против провинций, а не студентов. Далее Ли делает очень проницательное наблюдение о том, что «чрезвычайное положение» является частью демократии и её генерализации как политической формы: «Все колониальные территории, получившие независимость после окончания Второй мировой войны, вводили чрезвычайное положение». Парадоксально, но на площади Тяньаньмэнь Китай перенял этот аспект империалистической демократии.

Тезисы Чжэн Юнъяня о китайском «федерализме де-факто» являются частью сегодняшнего противостояния течений и, вероятно, борьбы на XX съезде КПК. Такие знаковые оценки, как те, что озвучили Ху Анъан и Ли Куан Ю, подтверждают решающий политический вес провинций. Третьим источником могут быть прямые эмпирические наблюдения за крупными иностранными группами, присутствующими в Китае.

Эти данные предоставляет Никола Мейер, исследователь Daimler в Штутгарте и автор книги «*China – The New Developmental State?: An Empirical Analysis of the Automotive Industry*»², опубликованной во Франкфурте в 2009 году. Автор выделяет такие характеристики китайского рынка, как географический размах, политическая «децентрализация» и «многоуровневая» политическая система. Он пишет, что пекинский центр в лице Политбюро принимает решения, а Госсовет претворяет их в конкретную политику через национальные комиссии и министерства, специализирующиеся на конкретных предметах и функциях, но органы провинций имеют тот же ранг, что и министерства.

Центральное правительство поручает провинциям разработку про-

мышленной политики на основе национальных указаний, но в соответствии с местными условиями, так что провинции всегда действуют от имени центра; более того, министерства центрального правительства не могут отдавать обязательные для исполнения распоряжения провинциям. По этой причине характерной чертой китайской системы является необходимость кропотливого достижения консенсуса и нахождения соглашения с провинциями, или, другими словами, автономия провинций, осуществляемая от имени центрального правительства, не санкционированная законом, как у федеральных структур, но вытекающая из политической практики, установившейся исторически в актах борьбы «Большого скачка» и «культурной революции», налоговом федерализме 1980-х и налоговой реформе 1990-х годов. По сути, мы возвращаемся к федерализму де-факто [...].

Наши текущие размышления предвосхитил Роберто Казелла в ноябрьской статье 2004 года о регионе дельты Жемчужной реки – большой территории с центром в Гуанчжоу: была выдвинута гипотеза о том, что империалистическое развитие Китая «сузит старую географию “пяти озёр и четырёх морей” до экономически более компактных районов с крупными мегаполисами, выступающими в роли катализаторов». Мы уже упоминали концепцию «империалистического плюрализма», начиная с разработок Арриго Черветто в книгах «*Forze e forme del mutamento italiano*»³ и «Политическая оболочка». Экономическая концентрация, лежащая в основе империалистической фазы, порождает множество крупных групп, конкурирующих друг с другом, и эта усиленная конкуренция выражается на политическом уровне в «трансформации исходной плюралистической надстройки, соответствующей фазе свободной конкуренции, в империалистический плюрализм, характеризующийся острой политической конкуренцией».

Для Китая речь идёт именно об изучении развития плюрализма мандаринов в империалистическом плюрализме современных континентальных держав, трансформаций центральной, местной и промежуточной сфер выражения этой более сильной политической конкуренции и форм «плюралистического политического централизма крупного капитала», существующих в этой империалистически зрелой специфической державе континентального масштаба.

В этом введении мы укажем ещё один методологический аспект – два критерия, использованные Черветто для анализа империалистического плюрализма в Соединённых Штатах.

В статье «Американский империализм получил нового президента» от ноября 1976 года речь идёт о выявлении основных линий, возникших в результате долгого электорального сражения: «Чтобы помочь понять их, мы используем два понятия марксистской науки: фракционность буржуазии и региональная локализация её интересов. Регионализация буржуазных фракций или региональная фракционность представляет собой, разумеется, только первую абстракцию, которая должна быть дополнена тем, что можно определить как вертикализация фракций, вплоть до достижения полной и сложной конфигурации крупных капиталистических групп»⁴.

Концепция регионализации облегчает построение общей структуры буржуазных интересов путём определения социально-экономических характеристик районов, сочетания основных групп и фракций и основных отраслевых интересов. Но тогда следует анализировать комбинацию этих интересов, плюралистическую комбинацию, которая будет искать своего политического выражения.

В ноябрьской статье 1980 года «Президент США для нового империалистического противостояния» уточняется этот второй аспект: «Два же критерия, используемые нами, такие как фракционность буржуазии и регионализм буржуазных интересов, напротив, дают возможность для более внимательного анализа формирования и динамики коалиций [...]. Эти критерии горизонтализации крупных групп, несомненно, надо рассматривать и в связи с критериями их вертикализации, которая в большинстве случаев становится интернационализацией. Техасские нефтяные группы, к примеру, являются международными и действуют в мировом масштабе. То же самое можно сказать о группах, занятых в военном производстве»⁵. То же самое теперь можно сказать и о большинстве крупных китайских групп, обладающих разным весом на внутреннем и внешнем рынках. Речь идёт о последовательном обновлении анализа позиций на поле буржуазных сил, исходя из критерия регионализации и вертикализации/интернационализации интересов.

Империалистическое созревание создаёт сильные региональные концентрации власти со своими центрами и «кругами метрополии», по определению вице-преьера Лю Хэ. В то же время финансовая централизация крупных групп и их растущая интернационализация рекомбинируют интересы основных областей и, следовательно, региональных буржуазных фракций. Необходимо связать оба эти аспекта: образование высококонцентрированных экономических ареалов с приобретением ими политического веса и их разложение и рекомбинация на десятки крупных скоплений, находящихся в динамичной конкуренции друг с другом, с разными фракциями и разными направлениями интересов внутри каждого финансового центра и даже внутри самих крупных групп.

Эта замечание восходит к замечкам Черветто о столкновениях между крупными группами в Италии, сделанным при подготовке доклада от 3 октября 1980 года и собранным ныне в XVIII томе «Сочинений»: «Для удобства абстракции строятся некоторые большие совокупности. Это только точки отсчёта (север, юг, восток и т. д. [...]) и ничего более. Отнесение политических течений к этим точкам отсчёта есть не что иное, как ссылаться на сообщаемое. Поэтому нет никакого научного смысла пытаться, часто тщетно, реконструировать механизм передачи экономических импульсов политическим течениям. Нужно просто связать политическое течение с одной или несколькими точками отсчёта». В процессе построения выкладок может возникнуть необходимость прибегнуть к их общим характеристикам. «Политическое действие (с последующей пропагандой и агитацией), являющееся выбором и решением, требует ясного и яркого указания характеристики расклада (либеризм, дирижизм

и т. д.), узла (девальвация, антидевальвация и т. д.), связей (либерист Кракси, дирижист Берлингуэр)». Среди китайских течений можно было бы назвать «либеристский Гуанчжоу» или «этактистский Чунцин». «Не следует, однако, путать эту необходимую операцию с исследованием», – гласил научный анализ китайского империалистического плюрализма.

Ещё одно уточнение даётся в материалах 8 мая 1981 года по поводу столкновения крупных групп, на этот раз в Америке. В этом континентальном масштабе «[не было] чёткой демаркации Восток – Запад ещё и потому, что Восток состоит из множества конкурирующих групп, и каждая из них имеет союзы на Западе, на Озёрах, на Юге». Этому стоит уделять внимание и при характеристике китайских региональных фракций и их раскладов.

Чэн Ли из Бруклинского института в Нью-Йорке подтверждает это и добавляет, что масштаб конкуренции даже может превышать уровень отдельных провинций. Динамика такова, что уже упоминаются «суперпровинции», формирующиеся вокруг некоторых крупных китайских экономических и финансовых полюсов: района Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, дельты Янцзы во главе с Шанхаем, Большого залива, образуемого провинциями Гуандун, Шэньчжэнь и специальными административными районами Гонконг и Макао, а также нового «экономического круга», образуемого городами Чэнду и Чунцин.

В своей книге 2021 года «*Global China*»⁶ Чэн Ли утверждает, что эти большие территории возглавляются чжэцзянской армией – Цай Ци в Пекине, Ли Цян в Шанхае и Чэнь Миньэр в Чунцине – или во всяком случае людьми, приближёнными к Си Цзиньпину, такими как Ли Си из провинции Гуандун: «[Так] как они являются его доверенными лицами, Си, по-видимому, намерен дать им децентрализованные полномочия для проведения дифференцированных подходов в их кластерах». С одной стороны, нужны доверенные мандарины из центра или во всяком случае из властной коалиции в Пекине, чтобы признать относительную автономию суперпровинций в форме централизации плюрализма сил, соответствующей новым условиям. С другой стороны, подтверждается империалистическое развитие в рамках пяти озёр и четырёх морей, втиснутых сегодня, может быть, в три моря и одно озеро, если предположить, что Ухань и Маньчжурия в какой-то мере уже представлены Шанхаем и Тяньцзинем. Однако в географии плюрализма мандаринов ещё произойдут изменения, которые будет необходимо тщательно рассмотреть с точки зрения международных связей и стратегических ориентаций этих фракций.

Lotta comunista, февраль 2023 г.

1 – Ли Куан Ю: Взгляд великого мастера на Китай, Соединённые Штаты и мир».

2 – «Китай – новое государство развития?: Эмпирический анализ автомобильной промышленности».

3 – «Силы и формы итальянских изменений».

4 – Черветто А. Унитарный империализм: в 2 т. Киров: Марксистская наука, 2005. Т. 2. С. 461 (перевод исправлен).

5 – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2019. С. 60.

6 – «Глобальный Китай».

Европейская военная промышленность

Танковая лихорадка в украинской войне

Война на Украине движется к новой эскалации, в неё всё больше вовлекаются европейские страны, а пропаганда становится всё громче, и СМИ адаптируются к этой ситуации. Иногда, рассчитывая на короткую память своих читателей, они делают настоящие кульбиты. Год назад их оценка российских танков была беспощадной: они описывались как устаревшее оружие и излюбленная цель украинской оборонительной тактики. Длинные колонны танков, передвигающихся по открытым дорогам и не прикрытых с флангов пехотой, серьёзно уязвимы перед ПТРК "Javelin", американскими и турецкими беспилотниками "Switchblade" и "Bayraktar TB2".

Затем оказалось, что Киеву давно нужны танки, чтобы начать наступление на русских оккупантов, а после они стали просто необходимы, особенно относительно современные и легко ремонтируемые "Leopard 2", которые используют или хранят 13 европейских армий.

Реальный ход войн всегда окутан туманом, поэтому нельзя строить никаких догадок, и здесь мы пока ограничимся общим наблюдением и описанием состояния производства наземных вооружений.

На краю пропасти, но уверены в себе

Весовая категория поставляемого украинскому правительству оружия постепенно росла. Поставки прошли путь от ручного оружия, такого как ПТРК "Javelin" и ПЗРК "Stinger", до самоходных гаубиц, поражающих цели на расстоянии 40 км, ракетных установок большой дальности, таких как "Himars" (дальность действия 80 км), бронетранспортёров и, наконец, тяжёлых танков. Президент Украины Владимир Зеленский во время поездки по маршруту Лондон – Париж – Брюссель, совершённой с целью запросить поставки истребителей, заявил *Le Figaro*: «Россия объективно находится на пути к проигрышу войны. На 99 %. Но Запад останавливается на этом оставшемся 1 %, чтобы оправдать своё нежелание снабжать нас оружием» (9 февраля).

То, что так ведёт себя лидер подвергнувшейся нападению и находящейся в состоянии войны страны, понятно. Гораздо меньше понятна тенденция, втягивающая в механизм, из которого так трудно вырваться, другие страны.

Возможно, определённую роль в этом играет тщательно культивируемая уверенность в том, что в конечном итоге Москва никогда не втянет Североатлантический альянс в войну. В противном случае «российская армия, уже потерявшая за десять лет на Украине более половины боеспособной бронетехники и в три раза больше живой силы, чем в Афганистане, действительно была бы уничтожена авиацией, флотом и ракетами НАТО», пишет комментатор из французской газеты *Les Echos* (30 января).

Бизнес на долгую перспективу

Это сомнамбулы нового типа – они танцуют на краю пропасти, но уверены, что не окажутся в ней. И эту уверенность торговцы оружием умеют мастерски навязывать. Война на Украине и предполагаемая угроза Тайваню со стороны Китая подпитывают заказы и обеспечивают возрождение сегмента военной промышленности, производящего наземные вооружения.

Директор Hensoldt (25 % принадлежит Leonardo), которая, в частности, производит противоракетные радары "TRML-4D", Томас Мюллер заявляет: «Мы наблюдаем рост в течение десятилетия; у нас так же много клиентов, которые рады видеть наши радары, как в супермаркете. Другие оборонные подрядчики делают то же самое, особенно в секторе производства боеприпасов» (*Financial Times*, 19 января).

Тяжёлые танки могут нести 40–42 снаряда калибра 120 мм: если из 100 единиц, которые будут отправляться на Украину, ежедневно отстреливать половину, то это обернётся для производителя 100 млн евро ежемесячной выручки; подсчитано, что в масштабе всей Европы уже есть заказы на снаряды для танков на сумму 6,3 млрд евро. В Европе основными производителями боеприпасов являются Rheinmetall, скандинавская Nammo и французская Nexter, на сайте которой есть каталог из 256 страниц, каждая из которых посвящена отдельному снаряду.

США поставили Украине 38 систем "Himars" с ракетами "GMLRS". Администрация Байдена попросила Lockheed Martin довести годовой объём производства этих систем с нынешних 48 до 90 единиц. *Financial Times* подсчитала, что Lockheed Martin полагается на 170 поставщиков из 141 американского

города, а местные политики явно благосклонно относятся к росту количества рабочих мест, косвенно обеспечиваемому усилением международных тренировок.

Завершение войны или позиционная оборона

После того, как Америка взяла на себя обязательство передать Украине 30 танков "Abrams", правительство Германии дало своё согласие на отправку танков "Leopard 2". Однако новые "Abrams", которые ещё только предстоит произвести, будут меньшей мощности, не достигнут пункта назначения в течение этого года, а два батальона в составе 80 "Leopard 2" и 14 британских "Challenger 2" придут на Украину самое раннее в конце марта.

Эти средства нельзя будет использовать немедленно. Военные эксперты утверждают, что экипажам потребуется от 6 до 11 недель обучения, ремонтным бригадам – 3 месяца, а без них после 4–5 дней боевых действий эти машины останутся. Наконец, необходима подготовка к общевоинской операции. Лучший результат от использования основных боевых танков (ОБТ) достигается в сочетании с бронетранспортёрами, артиллерией, беспилотниками, вертолётами, радаром и радиоэлектронной защитой.

Советник президента Зеленского Михаил Подоляк говорит, что если в распоряжении украинской армии окажутся 300 танков, то «война закончится через несколько месяцев». На это косвенно отвечает бывший посол США на Украине Джон Хёрбст: «Танками [которые придут] мы поможем украинцам отстоять свои позиции с меньшими потерями» (*Politico*, 27 января).

Кажется, что на данный момент целью большинства стран, помогающих Киеву и столкнувшихся со статичной и кровавой войной на истощение – 1.200 км фронта ежедневно обстреливаются 7–10 тыс. артиллерийских снарядов, принося тысячи жертв по обе стороны фронта, – является поиск перемирия.

Ситуация в Европе

В 2020 году в Европе ситуация с бронетанковыми вооружениями обстоит следующим образом: в 22 странах имелось 14 различных моделей ОБТ в количестве 5.170 единиц, многие из которых были на резервном хранении, из них 47 %, то есть 2.430 единиц, составляли "Leopard 1" и "Leopard 2", 16 % – танки производства СССР, такие как Т-72 и Т-80, а 13 % (около 670 единиц) – "Challenger 2", "Leclerc" и "Ariete"; из последних трёх первые две модели используются Великобританией и Францией и экспортируются на Средний Восток, "Ariete" (производятся Oto Melara, принадлежащей Leonardo, и Iveco) задействован только итальянской армией.

Важными игроками в секторе тяжёлых танков являются немецкие Rheinmetall и KMW (Krauss-Maffei Wegmann) вместе с французской Nexter. Последние две объединились в 2015 году в холдинг под названием KNDS (KMW + Nexter Defense Systems). В рейтинге самых важных производителей оружия SIPRI Rheinmetall находится на 31-м ме-

сте с 4,4 млрд долл. военных доходов, а KNDS с 3 млрд долл. на 44-м месте.

Нынешняя Rheinmetall является результатом более чем двадцатилетнего роста за счёт приобретений, в ходе которого она поглотила MAK-System, Henschel, Kuka Wehrtechnik, швейцарскую Oerlikon Contraves, Denel Munition (ЮАР), Atlas Elektronik, MAN Military и недавно испанского производителя боеприпасов Exhal. Сейчас 66 % оборота Rheinmetall приходится на военные подразделения (производящие бронетехнику, электронику и боеприпасы), остальные 34 % – на производителей автокомпонентов. Rheinmetall является партнёром и конкурентом KMW. Она поставляет пушки и части башенной электроники для "Leopard 2", а также выиграла тендеры на модернизацию машин, находящихся на вооружении Канады и Польши.

KMW контролируется семьями Боде и Вегманн после выхода из капитала Siemens в 2010 году. Её соглашение с Nexter было достигнуто, прежде всего, с прицелом на то, что новая KNDS (наряду с Rheinmetall) станет континентальным ориентиром в секторе нового поколения бронетехники.

Основная наземная боевая система

Стоит также отметить и MGCS (Main Ground Combat System) – франко-германскую программу, запущенную в 2017 году Эмманюэлем Макроном и Ангелой Меркель. К этому соглашению до последнего момента пытались присоединиться Великобритания и Италия. Лондон рассчитывает на соглашение с Rheinmetall по модернизации своих танков "Challenger" до 2035 года, а Рим планирует разменять компанию Oto Melara на место в консорциуме, который в будущем будет изготавливать боевой танк. Но сначала им нужно дождаться фактического старта проекта.

MGCS застряла на этапе изучения характеристик танка и разделения труда между участниками. По данным IAI (Istituto Affari Internazionali), Франция хотела бы сделать шаг к созданию "системы систем", то есть танка, основными характеристиками которого являются связи с другими элементами театра военных действий. Германия, кажется, предпочитает более классическую компоновку, которая обеспечила бы преэминентность с "европейским стандартом" "Leopard".

Что касается разделения труда между Rheinmetall и KNDS, то промышленное дистрибьюторское соглашение ещё не достигнуто по 4 из 13 пунктов программы: система защиты танков, механизм заряжания боеприпасов, навигация и управление огнём. Прошлой осенью компании пришли к соглашению о том, что сначала будут созданы равноправные органы, способные решить проблемы, и только затем будет открыт этап разработки прототипа.

Примем к сведению, по мере того как на украинской войне усиливается интервенционистская риторика, дела в военной промышленности Европы идут всё лучше, а европейский империализм ускоряет своё перевооружение.

ОСНОВНЫЕ ТАНКИ НАТО

	Leopard 2	M1 Abrams	Challenger 2	Leclerc
Производитель	KMW*	General Dynamics	BAE Systems	Nexter
Год ввода в эксплуатацию	1979	1981	1998	1992
Масса (т)	58	74	63	54
Мощность двигателя (л. с.)	1200	1500	1200	1500
Скорость (км/ч)	70	66	59	71
Дальность пробега (км)	450	463	550	550
Калибр пушки (мм)	120	120	120	120
Количество снарядов (полная загрузка)	42	42	47	40

Примечание: *) пушки и часть электроники производит Rheinmetall.

Источники: RID, Fondation pour la Recherche Stratégique, Financial Times.

Бразильские колебания

Фарсовый переворот в качестве дебюта Лулы III

Мы публикуем статью из газеты наших бразильских товарищей *Intervenção Comunista*.

В начале января одним из последствий инаугурации президента Лулы да Силва (Партия трудящихся, ПТ) и получения мандата правительством Жералду Алкмина (Социалистическая партия Бразилии, СПБ) с его командой министров стала неудачная постановка штурма дворцов власти, т. н. «штурм тропического Капитолия».

Попытка организаторов групп в социальных сетях, подражающая вторжению 6 января 2021 году в американский Капитолий, спровоцировать интервенцию военных оказалась фарсом, раскрашенным в цвета *торсиды* национальной сборной по футболу. Среди дегенеративных плодов *телевизионной и сетевой демократии* теперь есть и цирковые восстания в сопровождении селфи.

Штурм тропического Капитолия

Корреспондент *Globo* в Нью-Йорке Гуга Чакра заметил, что «без *трампизма* не было бы *болсонаризма*, и вторжения в Бразилию также не было бы, если бы его не произошло в Вашингтоне». «Штурм тропического Капитолия» был лишь кульминацией неудавшейся попытки декоративного переворота, результатом кампаний по подогреванию болсонаристской базы в течение 4 лет правления капитана Жаира Болсонару. Последний во время своей политической агитации постоянно угрожал «*фиктивным переворотом*», по словам бывшего вице-президента и генерала в отставке Амильтона Моурана. Одна из таких кампаний в течение месяцев после октябрьских выборов подпитывалась молчанием побеждённого бывшего президента и двусмысленными сообщениями руководителей вооружённых сил, которые защищали и оправдывали появление лагерей радикальных сторонников капитана перед казармами в различных частях страны.

Financial Times пишет, что бразильский кейс имеет много сходств с вторжением в Капитолий, но подчёркивает и различия: на момент штурма Лула уже вступил в должность, Джо Байден – нет; Дональд Трамп публично спровоцировал и поддержал «*восстание*», а Болсонару – нет. Но в Бразилии, как и в Америке, «*генералы* [в целом] *остались верны Конституции*», даже если в первом случае некоторые военные круги и продолжали сохранять двусмысленность.

В этом фарсовом перевороте основные группы и фракции капитала оказались маргинализированы. Дело в том, что исполнительная и законодательная власти бразильского империализма испытывают трудности в разрешении диспропорций в государстве, что прокладывает путь к политическому кризису «банановой республики». Это трампизм с тропическими тонами, но сходство заканчивается на том, что болсонаризм тоже является инструментом правого популизма.

Кризис нарушения равновесия

Бывший президент Всемирного банка и профессор *Fundação Dom Cabral* Карлуш Брага считает, что политический кризис не стал «*институциональным*», настоящей «*большой опасностью*».

Наоборот, «*произошло очень ясное объединение политических классов, объединение общества*». Уже 8 января крупные медиа-группы (*Globo/Valor, Folha de S. Paulo, Estado de S. Paulo*) единодушно выступили в защиту буржуазной демократии. Уже на следующий день после вторжения на Площадь Трёх властей «*были сильны признаки национального единства*», написала Мириам Лейтао из газеты *Globo*, комментируя встречу Лулы с главами Палаты депутатов, Федерального сената, Федерального верховного суда (STF), Верховного избирательного суда (TSE) и губернаторами штатов.

По мнению Марии Кристины Фернандес из экономической газеты *Valor*, «*это была вершина национального единства*», благодаря которой Лула «*восстановился на посту президента*». Обозревателю подчеркнула решение судьи STF и председателя TSE Александра де Мораеса, «*который пошёл дальше Лулы в применении своих полномочий*», когда, например, приказал губернаторам демонтировать лагерь болсонаристов перед казармами.

В условиях нарушения равновесия судебная система бразильского империализма начиная с экономического и политико-судебного кризиса 2010-х годов действовала как главный политический актор, а в годы президентства Болсонару как фактор, уравнивающий его дисфункциональные решения. Она вызволила Лулу из тюрьмы, чтобы он мог быть использован как «*карта*» крупного капитала в президентской гонке, а теперь способствует созданию условий институциональной стабильности для нового правительства.

Фундаментальным фактом является подтверждение заинтересованности крупного капитала в обеспечении функционирования буржуазной демократии. Бывший сторонник Болсонару Рикардо Ласерда (основатель и генеральный директор инвестиционного банка *BR Partners*) написал: «*Бразилия – не [какая-нибудь] квазиреспублика. [...] Страна, пережившая эпизод такого масштаба, как вторжение в американский Капитолий, и сумевшая эффективно отреагировать, тем самым демонстрирует силу своих институтов*».

Консенсус губернаторов

С одной стороны, Лула становится сильнее, увеличивает свой «политический капитал» в качестве лидера, способного «*объединить страну*», продолжает Ласерда. С другой стороны, ослабление Болсонару, который всё же является лидером для электората в 58 млн голосов, может открыть широкое пространство для других правых, таких как губернаторы Ромеу Зема (штат Минас-Жерайс), Эдуарду Лейте (Рио-Гранде-дель-Суд) и особенно Тарсизио де Фрейтас (Сан-Паулу).

На совместном заседании республиканских и федеральных властей 9 января, которое санкционировало полное политическое единство властей в поддержке институциональной законности, 14 из 27 участвующих губернаторов являлись действующими или бывшими союзниками Болсонару, и главным среди них был Фрейтас, за которого проголосовал болсонаристский электорат. Фрейтас сначала колебался между решениями о посещении или непосещении этого засе-

дания, но после телефонного звонка от председателя Федерального верховного суда Розы Вебер, которая уже обзвонила всех губернаторов и попросила их о присутствии, он решил участвовать, пытаясь найти баланс между своей оппозицией правительству Лулы и относительным дистанцированием от Болсонару, не вызывая при этом недовольства его электората. Политическим крёстным отцом Фрейтаса, когда он был министром во время мандата предыдущей исполнительной власти, являлся Жильберту Кассаба – бывший мэр г. Сан-Паулу (2006–2013) и министр при Дилме Русеф (2015–2016), а теперь основатель и руководитель центристской Социал-демократической партии (СДП), которая входит в состав правительства Лулы.

Фрейтас, представляющий Юго-Восточный регион, сказал: «*Я помню, что миротворчество требует жестов от всех – законодательных, исполнительных, судебных властей и властей штатов*». В любом случае было «*важно присутствовать в этот день, на этой встрече солидарности с конституционными властями – Федеральным верховным судом, Национальным конгрессом, Палатой депутатов, Федеральным сенатом, наконец, в знак солидарности с нашей демократией*». Он также повторил, что эта встреча была знаком того, что «*после этих эпизодов бразильская демократия станет ещё сильнее*», и сделал вывод, что «*демократия, построенная с таким трудом, есть ценность, которую надо защищать, надо возвеличивать*».

Наконец, не менее важной для Лулы в начале его третьего срока была под-

держка, которую он сразу же получил от стран Латинской Америки, США, Канады, а также России и Китая. Позднее ОАГ (Организация американских государств) единогласно осудила «*фашистскую мобилизацию*» в Бразилии. Многосторонняя бразильская внешняя политика использует большое количество карт.

Демократия буржуазная

Вопреки оппортунистам, которые кричали, что фашизм будет побеждён у избирательных урн, события подтвердили тезисы, которые мы озвучивали ещё в начале истории с президентством Болсонару: сегодня в Бразилии нет фашистской политической формы, организованной в качестве значимой силы, и, что более важно, нет фракций империалистической буржуазии, готовых прибегнуть к фашизму для поддержания буржуазного порядка. Наоборот, поведение толпы мобилизованных социальными сетями одержимых показало всю хрупкость и неорганизованность этого меньшинства. Единство федеральных властей и голоса крупных групп, владеющих СМИ, продемонстрировали, что крупный капитал вынужден укреплять институты империалистической демократии и должен по крайней мере попытаться смягчить нарушение равновесия, препятствующее «зелёному гиганту» в течение ближайшего десятилетия обрести соответствующую его силе роль.

Демократия буржуазная, коммунизм пролетарский.

Антон Паннекук и вторая мировая империалистическая война

Главный теоретик *немецко-голландской левой* Антон Паннекук, который ушёл из активной политики в 1921 году и стал всемирно известным астрономом и математиком в Амстердамском университете, с 1941-го по 1946 год писал книгу «Рабочие советы». Второй том этой работы представляет собой своего рода политический дневник войны, который обычно не появляется в итальянских версиях, сконцентрированных только на первом томе, посвящённом *советистским тезисам* автора. Но журнал *Spartacus* за октябрь – ноябрь 1982 года представляет эту работу полностью на французском языке.

Первая часть книги («Враг») была написана между 1941 и 1942 годами, когда Германия завоевала всю Европу и оккупировала часть СССР, а Япония напала на Перл-Харбор. Это изложение – вполне в марксистском духе – характеристик правящих классов крупнейших стран и их политических и идеологических форм, которые влияли и на соответствующие рабочие движения. Вторая часть («Война») восходит к 1944 году, когда судьба конфликта уже была предрешена и в Европе, и в Азии. Последняя часть («Мир») была написана сразу после окончания войны.

Аригго Черветто в заметках, написанных в конце 1960-х годов¹, подверг критике «так называемый западный марксизм» и в одном пассаже осудил те политические группы, которые взяли у Паннекука только то, что их устраивало. «Он наш противник, – уточнял Черветто, – [но] он не заслужил того, чтобы оказаться на «философской» свалке», имея в виду тот тип «философии» (обязательно в кавычках), который тогда использовался как левая версия антиленинизма.

Предвосхищение будущего поражения

Начальная нота книги Паннекука неопровержима: «Знать врага, знать его ресурсы, его силы и его слабость – вот чего требует всякая борьба. Это первичное, единственное условие, позволяющее нам избежать уныния, когда мы измеряем силы противника, и всякой иллюзии, когда мы добиваемся частичного успеха».

Первая часть текста была написана в годы, когда Германия и Япония побеждали, однако Паннекук на основе конкретного анализа всё же считал, что в конечном итоге их ждёт поражение. По его мнению, весь ход событий делал «вероятным, что [Германия] будет уничтожена в ходе войны», оставив за собой «опустошённую Европу». Но в противоположность историческому прецеденту Германии 1918 года, политическая власть не попадёт автоматически в руки рабочего класса. Державы-победительницы этого не допустят: все их силы будут пущены на репрессии, если это потребуются».

Здравый прогноз, особенно учитывая момент, когда он был сформулирован, однако эта оценка обесценивается общим теоретическим подходом Паннекука, не позволяющим ему понять, что же на самом деле произошло в 1918 году и как нужно готовиться к новому завершению конфликта. Он думает, что в этом хаосе решение будет заключаться в «просвещении» и «реорганизации» рабочего класса, которые возникнут спонтанно, без всякого вмешательства со стороны «вождей».

С точки зрения ленинизма, с которым в конечном счёте и боролся Паннекук, проблема состоит в том, какие имен-

но «вожди» станут выражением класса в борьбе и какие «вожди» смогут восстановить преемственность с предыдущими годами. Без этой связи, этого созревания опыта, этой преемственности и развития стратегического анализа, который может осуществляться только в рамках партии, нельзя понять диалектики отношений партии и масс, а можно лишь впасть в идеализм, прийти к абстрактным отношениям между «крупным капиталом» и «трудящимися массами», где всё в конце концов кажется почти доверенным судьбе.

Восхождение Китая

Паннекук, в целом отвергавший циркулировавшие в то время тезисы об упадке и крахе капитализма, даже если такие предположения иногда и появляются в его тексте, смотрел на послевоенное будущее через марксистскую призму. Для Соединённых Штатов возникла бы проблема послевоенной разрухи по всему миру и, как следствие, проблема нищеты, связанная с сокращением рынка. Внутренний американский рынок легко воскрес бы, а долгосрочные вложения восстановили бы европейский и японский. Процесс деколонизации, ускоренный войной, также подтолкнул бы капиталистическое развитие в этих странах, хотя и в пользу «высших классов», которым будут помогать «белые советники».

Однако наиболее важным рынком, по мнению Паннекука, должен был стать рынок «сотен миллионов людей – около половины населения мира, – скопившихся на плодородных равнинах и долинах Восточной и Южной Азии, [которые] всё ещё живут за счёт семейного производства, ремёсел и мелкого земледелия. Превратить эти умные и трудолюбивые массы сначала в покупателей промышленной продукции Капитала, а затем в промышленных и сельскохозяйственных рабочих на его службе – вот уникальная возможность, которую предлагает себе американский Капитал».

Правда и то, добавляет голландский теоретик, что «создание капиталистического Китая вызовет рост могущественного конкурента и вдали нарисует перспективу будущей мировой войны; но этот вопрос ещё не стоит в повестке дня на данный момент».

Интересно также предвосхищение политических форм, которые примет китайский капитализм: «Ему придётся опираться на могущественную администрацию, осуществляющую централизованный контроль над страной. Это означает диктатуру на уровне центральной власти, дополненную, может быть, своего рода демократическими автономиями на уровне районов и деревень».

Держава континентального масштаба

В послевоенный период, который является темой третьей части книги, Америка оказывается «во главе производственного аппарата, в полтора раза больше, чем в начале [войны], и с промышленным производством, вдвое больше, чем в остальных странах капиталистического мира». В процессе войны СССР «вошёл в клан признанных капиталистических держав», но остался «самостоятельным континентом».

С определённым изяществом, которое, правда, становится спорным, если держав в голове более общие взгляды автора, Паннекук обрисовывает империалистическое поле битвы,

которое останется таковым на десятилетия, вплоть до наших дней. Он пишет, что по своей природе «американский частный капитализм в основе своей является агрессором. Российский государственный капитализм должен отстаивать свои позиции. Несомненно, оборона также часто состоит из нападения, и во всех войнах каждый противник обвиняет другого в агрессии. Вот почему Россия стремится установить за своими границами защитную полосу, расширить своё господство в Европе».

Европа «оказывается разделённой на несколько десятков народностей, говорящих на нескольких десятках языков и разделённых обострившимися многовековыми антагонизмами и национальной ненавистью. При зарождении капитализма европейские нации были производственными единицами, размер которых соответствовал тому времени, но теперь, когда капитализм требует для большей эффективности более крупных производственных единиц, охватывающих континенты, Европа находится в невыгодном положении по сравнению с новыми державами – Соединёнными Штатами и СССР». В долгосрочной перспективе, как мы видели, Паннекук также включал в число новых держав и Китай.

Кроме того, идея сделать Европу «державой третьего мира для сдерживания агрессии других держав проистекает из мелкобуржуазной идеологии, которая не может мыслить противоборствующих наций, даже если эти нации сегодня достигают размеров континентов; эта идеология связана с желанием спасти европейский капитализм». Однако даже эта гипотеза «появилась слишком поздно. Европа уже разделена на западный и восточный блоки».

Исчезнувший класс и партия

«В пропасти» – так называется глава, в которой автор рассматривает перспективы рабочего класса в послевоенный период. «В процессе Второй мировой войны рабочее движение испытало ещё больший упадок, чем в процессе Первой». Во время конфликта «у рабочего класса не было собственной воли. Он оказался неспособным решить для себя, что ему делать: он уже был включён в нацию в целом. [...] Всё, что составляло сущность рабочего класса, давно исчезло. Рабочие потеряли свой класс. Они больше не существуют как класс. Их классовое сознание сметено идеологией крупного Капитала, подчинившей все классы». Капитализм «воцарится после войны с ещё большей силой. Но борьба рабочих масс будет ещё сильнее и рано или поздно они поднимутся против него».

Здесь автор поднимает марксистскую тему «класса в себе и класса для себя», но извращает её. Для Маркса класс никогда не «исчезает», он продолжает свою борьбу в тысяче форм, хотя и с тысячей поражений, и становится «классом для себя», когда образует партию, гарантирующую приобретение опыта и продолжение научного и стратегического анализа, поддержание и развитие политической и организационной преемственности, члены которой неизбежно остаются меньшинством класса в течение долгих контрреволюционных этапов.

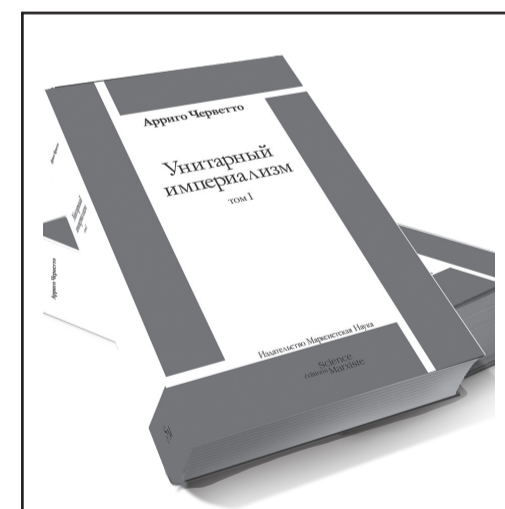
Для абсолюционного же спонтаниста и идеалиста Паннекука итогом развития, напротив, является «класс в себе», ему ничего другого не нужно, более того,

он должен отвергнуть всякое «другое» (профсоюзы, партию) и потому, когда «втягивается» войной, то «исчезает». Тот же факт, что Паннекук считает, что будущая «борьба рабочих масс будет ещё сильнее», делая ставку на сознательность американского и огромный вклад азиатского пролетариата, втянутого в современность вместе с войной, не противоречит его общим установкам, а является лишь понятной надеждой революционера. Но это также закономерное проявление его теоретического и политического непонимания. Это ожидание борьбы класса, который, чтобы вести её, не нуждается в партии, даже должен ненавидеть её; ожидание возвращения «исчезнувшего» класса, сопровождающееся призывом, который приобретает даже моралистические тона.

Однако Паннекук как старый коммунист времён Циммервальда занимает чёткую классовую и интернационалистскую позицию против войны, что красной нитью проходит через весь текст, а в конце книги мы найдём следующее замечательное резюме: «Когда мы говорим, что война неотделима от капитализма, что война может исчезнуть только с самим капитализмом, это вовсе не значит, что война против войны бесполезна и что нам остаётся только ждать разрушения капитализма. Мы имеем в виду, что борьба с войной неотделима от борьбы с капитализмом. Война против войны может быть эффективной только как неотъемлемая часть борьбы рабочего класса против капитализма».

Lotta comunista, октябрь 2022 г.

1 – Cervetto A. Opere. Vol. 6. Quaderni. Metodoe scienza. Milano: Lotta comunista, 2015.

Аригго Черветто

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 1

2005, 796 страниц, суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель. ISBN:
2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 2

2005, 736 страниц, суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель. ISBN:
2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Сражение в телекоме

Война чипов – новый фронт мирового противостояния

Пандемия вскрыла важную роль полупроводников. Дефицит поставок в автомобильном секторе привлёк внимание общественности к растущему количеству чипов в автомобилях и заставил западный политический мир задуматься о чрезмерном перемещении производства в Азию.

В нашей газете мы уже касались этой темы, но перед тем, как продолжить развивать её, полезно сделать краткий обзор. Международное разделение труда в полупроводниковой отрасли следует за её историческим развитием. Возможности проектирования полупроводников, индустрия сложных машин, способных их производить, а также производство необходимых материалов по сей день сосредоточены в США, Европе и Японии. Производство чипов и их окончательная сборка (packaging) сконцентрированы в основном в Южной Корее, на Тайване и в Китае: первые две страны монополизировали производство передовых чипов, сделанных по техпроцессу ниже 10 нанометров (нм).

Чипы имеют множество различных применений: от персональных компьютеров до серверов дата-центров, от смартфонов до телекоммуникационного оборудования, от автомобилей до роботов, которые их собирают, от оружия до суперкомпьютеров, которые должны обеспечивать военных решениями в области искусственного интеллекта для его более эффективного применения.

Война чипов стала новым фронтом борьбы держав. США, Европа и Япония возобновляют государственное вмешательство, чтобы вернуть часть производства полупроводников обратно, в то время как Америка намерена максимально сдержать технологическое и военное развитие Китая и призывает своих союзников помочь ей в этом.

Советник по национальной безопасности США Джейк Салливан заявил: «Раньше мы смотрели, что нам нужно сделать, чтобы оставаться на пару поколений впереди [Китая], но сегодня эта стратегическая среда изменилась [...]; учитывая фундаментальный характер некоторых технологий, таких как продвинутая логика и чипы памяти, теперь мы должны поддерживать максимально возможное преимущество» (Financial Times, 23.09.2022).

Расчёты и беспорядок

Однако в хаотичном мире, в который погрузилась полупроводниковая промышленность, кажется, вообще нет места передовой логике, а сквозь расчёты, лежащие в основе столкновения держав, проглядывают сомнения. Есть те, кто «играет на барабанах войны, не зная, к чему это может привести», предупреждает Рана Форухар в Financial

Times (20.09.2022). Это разные аспекты шатающегося мирового порядка.

Samsung завершила IV квартал 2022 год с падением выручки на 9 %; доходы SK Hynix, Micron и Intel рухнули почти на 20 %. В прошлом году мировые продажи персональных компьютеров упали на 16 %, а продажи смартфонов – на 10 %, как следствие, снизилось и потребление чипов памяти. SK Hynix и американская Micron (второй и третий в мире производители чипов памяти DRAM и NAND соответственно) в 2023 году решили сократить свои инвестиции в производство на 50 %, в то время как лидер Samsung, похоже, не собирается этого делать, надеясь таким образом укрепить свои позиции.

Ожидается, что спрос на чипы для дата-центров упадёт из-за сокращения инвестиций крупных американских и китайских технологических компаний, но дефицит автомобильных микросхем в этом году сохранится. Компания Onsemi (США) утверждает, что уже продала все произведённые в 2023 году чипы из карбида кремния, несмотря на то, что их выпуск увеличился на 30 %. То же самое касается немецкой Infineon, которая открывает новый завод в Дрездене, а STMicroelectronics удваивает свои мощности в итальянской Катании.

Последствия для Европы

В условиях напряжённого противостояния (когда в США стартовали 46 новых инвестиционных инициатив на общую сумму 180 млрд долл.) министры развития европейских стран встретились в Брюсселе, чтобы согласовать правила применения континентального «Chips Act». До этого критерий технологической новизны, которому было необходимо удовлетворять, чтобы получить финансирование, ограничивался миниатюризацией техпроцесса ниже 5 нм, теперь же он будет распространён и на другие параметры, такие как мощность и энергоэффективность. Просьбы европейской полупроводниковой промышленности были услышаны, но этим дело не ограничилось.

Крупнейший в мире производитель полупроводников тайваньская TSMC через третьих лиц обсуждает с властями Германии финансирование открытого завода в Дрездене. Компания планирует производить требующиеся европейскому рынку автомобильные чипы по техпроцессу 22–28 нм.

С другой стороны, хаотичный процесс роста цен на энергию в Европе вызвал задержки (или, возможно, даже переосмысление) планов, запущенных Intel. Стоимость строительства крупного завода в Магдебурге, сообщает американская группа, вырастет с 17 до 24 млрд евро; в результате сумма, которую для финансирования этого

проекта предоставит правительство Германии, должна вырасти с почти 7 до более чем 9 млрд евро. Отсрочка строительства хаба в Германии также негативно повлияет на сроки сдачи проекта центра исследований и разработок Intel в Париже и завода окончательной сборки в Италии.

Возвращение Японии и «цугцванг» Кореи

Япония перевооружается и решила в короткий срок удвоить свои военные расходы: в эту картину отлично вписывается и поиск большей автономии в производстве полупроводников. Токио сформировал консорциум под названием Rapidus, в котором участвуют Sony, Toyota, SoftBank, NTT, Denso, NEC, Kioxia и банк MUFG, с намерением к 2027 году начать внутреннее производство чипов по техпроцессу 2 нм и «быстрым» способом.

Rapidus получит бюджет в 36 млрд долл. и заключит соглашение с IMEC (Лёвен, Бельгия) о начале сборки литографических машин EUV (экстремальный ультрафиолет) в Японии. В настоящее время монополией на производство таких машин обладает голландская ASML. Тем временем Canon внедряет NIL (нанопечатную литографию) для достижения результатов, близких к результатам, получаемым с помощью машин EUV, но с 40 %-ной экономией затрат и 90 %-ным энергосбережением. Токио разыгрывает свои карты не в последнюю очередь потому, что испытывает определённый скептицизм относительно стратегии сдерживания Китая.

«Я думаю, что американо-китайский технологический спор по поводу чипов, возможно, и замедлит технологическое развитие Китая, – говорит Такаюки Морита (генеральный директор NEC), – но это не меняет фундаментального тренда [...], невозможно игнорировать Китай как одну из технологических держав в долгосрочной перспективе». Санкции, вторит ему технический директор Sony, будут иметь лишь «временное воздействие» (Financial Times, 12.12.2022). Это не лучшая предпосылка для присоединения к альянсу «Chip 4» – предложенной США антикитайской коалиции, формируемой совместно с Тайванем и Южной Кореей.

На долю корейских компаний Samsung и SK Hynix приходится 70 % мирового производства чипов памяти, причём 40 % из них изготавливаются на их заводах в Китае. Вашингтон дал им один год, в течение которого они смогут продолжать использовать американское оборудование на этих объектах. Сеул запрашивает бессрочное продление в обмен на вхождение в «Chip 4».

Гонконгский аналитик Дэвид Додвелл пишет: «Я думаю, что [Сеул] находится в вынужденной ситуации, которую шахматисты называют «цугцвангом»: он должен сделать ход в ответ на политическую ситуацию, но в контексте, где любой ход принесёт только вред» (South China Morning Post, 03.10.2022).

Иллюзия контроля

Стремясь укрепить своё преимущество, Соединённые Штаты хотели бы, чтобы ASML прекратила экспортировать в Китай и свои литографические машины предпоследнего поколения DUV (глубокий ультрафиолет). По словам голландского депутата Европарламента, они используются для производства микросхем, которые можно найти в таких простых вещах, как пылесос,

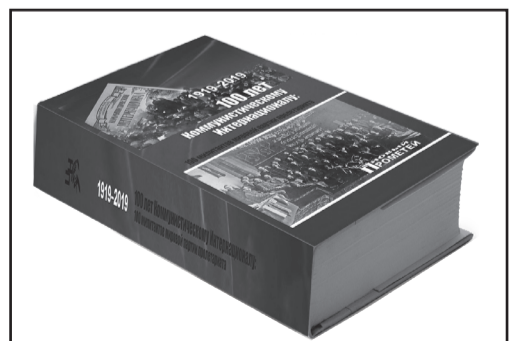
однако китайская SMIC, по-видимому, использовала DUV для производства микросхем по техпроцессу 7 нм; эта технология (multiple patterning) очень дорога и может использоваться исключительно в военных целях.

В ответ на американские требования высшее руководство ASML заявило, что передовые полупроводники, которые могут быть использованы для китайских военных суперкомпьютеров, Пекин способен получить и другими путями. Например, речь может идти о новых графических процессорах, произведённых по стандартам чуть более низкого уровня, чем те, что запрещены американским правительством: это касается некоторых чипов, которые американская Nvidia разрабатывает для серверов китайских дата-центров.

В 2002 году Китай имел судостроительные мощности, равные 5 % от общемировых, и премьер-министр Чжу Жунцзи поставил цель мирового первенства, которая была достигнута в 2015 году. Об этом напоминают в Wall Street Journal эксперты Рик Свитцер и Дэвид Фейт, добавляя, что китайцы «тогда потеряли десятки миллиардов долларов на чрезмерных инвестициях, но Пекин добился своей цели», поэтому было бы лучше «не предаваться мысли о том, что Китай не достигнет своей цели стать крупнейшим производителем чипов в мире» (20.09.2022).

Американцы должны отказаться от «иллюзии одностороннего контроля сдерживания Китая», заявили Сара Бауэрле Данцман и Эмили Килкриз в журнале Foreign Affairs (30.12.2022). «Хотя ключевые партнёры согласны с американской оценкой Китая как стратегической угрозы, сохраняются фундаментальные разногласия по поводу эффективности подхода США и компромиссов, связанных с ужесточением экспортного контроля. Многостороннее соглашение, основанное на угрозе дальнейшего экстерриториального контроля США, может обеспечить достижение краткосрочных политических целей, но усилит озабоченность союзников и их полупроводниковых компаний по поводу издержек зависимости от технологий США и побудит этих акторов к разработке альтернатив». Излишняя напористость может привести к прямо противоположным результатам, заключают двое американских учёных.

Lotta comunista, январь 2023 г.

**1919–2019. 100 лет
Коммунистическому
интернационалу: 100 милитантов
мировой партии пролетариата**

608 страниц, твёрдый переплёт,
именной указатель,
иллюстрации по тексту.
978-5-6042357-0-6

Цена 450 руб.

ПОЛУПРОВОДНИКИ. РАЗДЕЛЕНИЕ НА ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Процентная доля в общемировом итоге за 2021 г.

	Проектирование	Машины	Материалы	Производство	Сборка	Всего
США	49	42	10	11	5	35
Европа	8	21	6	9	4	10
Китай	5	1	19	21	38	11
Южная Корея	20	3	17	17	9	16
Япония	9	27	14	16	6	13
Тайвань	6	1	23	19	19	10
Другие	3	5	11	7	19	5

Источник: SIA (Semiconductor Industry Association).

Средиземноморье

СУТЬ
МОМЕНТА

Возникшие в Европе разногласия по поводу отказа к 2035 году от использования двигателей внутреннего сгорания (ДВС) вновь привлекли внимание к условиям труда рабочих автопрома.

Financial Times от 25 февраля обрисовывает общую картину, выдвигает некоторые гипотезы и делает вывод о том, что в ЕС сектор рискует потерять 1,4 млн из 3,5 млн рабочих, занятых непосредственно на производстве, поскольку выпуск электромобилей требует на 40% меньше рабочей силы. В своём анализе *FT* также рассматривает возможность создания новых рабочих мест в сфере производства аккумуляторов и IT-секторе: может возникнуть 581 тыс. новых рабочих мест, но маловероятно, что их смогут занять работники, исключённые с других производств.

Двигатели и рабочие

Показательны некоторые недавние примеры. В течение 2 лет Ford сократит 3,8 из 34 тыс. сотрудников в ЕС, или 11%. Производственный совет немецкой Bosch просит руководство разъяснить будущее рабочих мест. В Италии Stellantis договорилась с профсоюзами (за исключением FIOM – Итальянской федерации рабочих-металлистов) о 2 тыс. добровольных увольнений. В общей сложности, опять же в Италии, по словам генерального директора Национальной ассоциации автомобильной промышленности (ANFIA) Джанмарко Джорда, риску подвержены 450 компаний, на которые приходится 70 тыс. из 262 тыс. сотрудников этого сектора. По оценкам генерального секретаря Итальянского союза рабочих-металлистов (UILM) Рокко Паломбеллы, речь идёт о 120 тыс. человек.

Какие бы оценки ни были верны, остаётся факт: рабочие не должны пассивно страдать, им следует организовывать защиту своих интересов. Сокращение рабочего времени при той же заработной плате снова становится лозунгом для разрешения этой непредвиденной ситуации, и его уже используют некоторые заводы из так называемой Motor Valley в Эмилии, включая Toyota, Bosch, Ducati, Lamborghini (*la Repubblica*, 28 февраля).

Однако профсоюзная битва принесёт пользу – помимо непосредственного результата, – только если поднимет уровень классового сознания: сейчас эта возможность есть. Рабочих заставляют страдать от последствий феномена, который хозяева называют “рынком”, но на самом деле он имеет другое название – столкновение великих держав. ЕС, США и Китай являются главными героями этой драмы, и каждый из них хотел бы вызвать аплодисменты своих рабочих. Таким образом, хаотичный империалистический мир предлагает тренировочную площадку для интернационалистического сражения: защита классовых интересов требует поднять взгляд на мир.

Интернационализм и социал-империализм

Преобладающее видение, с которым мы сталкиваемся в политико-профсоюзных дебатах, является национально-ограниченным и даже электоральным, учитывая, что европейские выборы 2024 года также будут частично зависеть от судьбы автомобилей с ДВС.

Мишель Де Пальма, секретарь FIOM, входящего во Всеобщую итальянскую конфедерацию труда (CGIL), в интервью газете *The Post Internazionale* (3 февраля)

ухватывается за риск потери рабочих мест, чтобы поддержать дело национального капитала: «Аккумуляторы, полупроводники, исследования и разработки – вот все те вещи, которые мы должны планировать делать в Италии». А к чему ведёт эта точка зрения, поясняет сам профсоюзный деятель: «Необходим европейский консорциум производителей транспорта. [...] Конкуренция с США и Китаем возможна только в том случае, если мы объединимся». Предупреждаем: понятная социальная забота о рабочих местах рискует стать прикрытием для поддержки “своего” империализма – Италии, а в эпоху континентальных государств – также и Европы.

Более того, пример подаёт Германия – передовой оплот европейского социал-империализма. 16 февраля канцлер-социал-демократ Олаф Шольц встретился с производственным советом Volkswagen. По этому случаю он похвалил Даниэлу Кавалло, которая сегодня председательствует в этом органе, за её приверженность тому, чтобы «в Германии были заводы по производству аккумуляторов и производственные площадки для электромобилей»: «Важно, чтобы это всегда было Вашей заботой и чтобы Вы прилагали соответствующие усилия» (*Handelsblatt*, 2 марта).

Таким образом, господствующая точка зрения состоит в том, чтобы запереть рабочих в национальных рамках, в иллюзии, что таким образом они смогут лучше защитить условия своего труда. В Италии всё это выглядит парадоксально, учитывая неблагоприятные условия наёмных рабочих.

Итальянское отставание в размерах

FIOM в исследовании, вышедшем в преддверии национального конгресса, приводит сравнение с немецкими металлистыми, которых в 2020 году насчитывалось 4.769.000 против 1.943.000 в Италии. Последние отработали в среднем 1.553 часа, первые 1.389, то есть на 164 часа меньше, разница почти в месяц. Но каждый час работы производил добавленную стоимость в размере 57 евро в Германии и лишь 39 евро в Италии. Поиск причин этого несоответствия приводит к неопровержимому выводу: всё дело в «размере компаний», которые в Италии представлены «в основном средними и малыми предприятиями (в среднем 11 сотрудников на компанию против 42 в Германии)».

А что сокращение размера компаний означает для рабочих? Это иллюстрирует другое исследование, проведённое, опять же, среди рабочих-металлистов, но на этот раз Федерации рабочих-металлистов (FIM) в составе Итальянской Конфедерации профсоюзов трудящихся (CISL). Это касается прежде всего премий за результат, а затем контрактации второго уровня, корпоративного или территориального. В 867 исследованных компаниях, нанимающих 388 тыс. сотрудников, эти премии в 2022 году составили в среднем 2.171 евро, но наблюдалась значительная разница между компаниями с более чем 600 сотрудниками и теми, где менее 100 сотрудников: соответственно 2.470 и 1.272 евро, то есть соотношение составило два к одному. *Il Sole-24 Ore* от 1 марта, которая сообщила эту новость, комментирует: «Карликовость размера компании тормозит рост заработной платы также и в машиностроении». Само собой разумеется, что в маленьких и очень маленьких компаниях о контрактации речи даже не идёт. И это ещё одна причина поддержать национальные контракты –

С 2000 года на средиземноморских маршрутах утонуло не менее 45 тыс. мигрантов – это более 2 тыс. человек в год. И это то самое море, в котором каждое лето купаются десятки миллионов туристов, те же маршруты, по которым ходят многоэтажные круизные лайнеры. Барки и пляжные зонты, потерпевшие кораблекрушение и круизные пассажиры: мы не устанем повторять, что именно капиталистическое общество сделало варварство массовой привычкой.

Есть не только неряшливая беспомощность их политики, не только свирепое лицо правительств, запинаящегося, как только речь заходит о жертвах кораблекрушений, не только лицемерные упреки оппозиции, которая, будучи в правительстве, вела себя точно так же, возвратив десятки тысяч несчастных людей их тюремщикам в Ливии. Суть в том, что год за годом фактический *апартеид* строился на безразличии, в то время как миллионы рабочих иностранного происхождения – украинские или эквадорские сиделки, румынские и марокканские каменщики, африканские батраки, бенгальские и сенегальские разнорабочие – вынуждены заниматься самой неблагоприятной работой в условиях режима сегрегации наёмного труда. А есть ещё дворники, санитары, уборщики или работники логистики всех этносов и национальностей. Они являются частью социального ландшафта города и деревни и воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, но они “невидимы” именно потому, что находятся у всех на виду. *Этих всех* не беспокоит неравенство в оплате труда и доступе к достойному жилью, злключения, которые им приходится проходить, чтобы воссоединить свои семьи или преодолеть бюрократические препоны для получения вида на жительство. Кроме того, демографическая зима вынуждает стареющие державы Запада прибегать к услугам мигрантов даже для выполнения квалифицированной работы, и эти страны уже конкурируют за импортную рабочую силу. Тем не менее партии их политики продолжают охотиться за лёгким электоральным консенсусом и не отказываются от эксплуатации самых ненавистнических ксенофобских страхов.

Российский империализм заигрывает с национальными лидерами “Глобального Юга”, используя риторику борьбы с неокOLONIALИЗМОМ. При этом у себя дома Кремль потворствует широко распространённому бытовому расизму. Губернатор Калужской области Владислав Шапша запрещает мигрантам работать в розничной торговле и общепите, в общественном транспорте, включая такси, и в кадровых агентствах. И это в условиях обостряющегося кадрового голода и бегущего из России будущего. Близорукость их политики не удивляет. «После нас хоть потоп», – эти слова любовницы французского короля, сказанные после разгрома его армии, характерны для самосознания всякого временщика.

И это ещё не всё. В условиях войны на Украине верхняя палата парламента РФ одобрила закон об упрощённом предоставлении гражданства иностранцам, воюющим на стороне России. Российскому империализму мало страданий рабочих-мигрантов, ему потребовались их жизни. Цинизм их политики не знает границ.

Общество, которое сделало варварство банальностью повседневной жизни, неприемлемо. Борьба за единство класса и его защиту, борьба за подлинно человеческое коммунистическое общество – вот цивилизованная альтернатива варварству.

они единственные могут дать гарантии даже самым рассредоточенным рабочим.

Единство класса

Защита интересов класса неотделима от борьбы за его единство. Она основана на осознании рабочими общности их интересов. И это тем более актуально в реальности стратифицированной по отраслям, размерам компаний, квалификации и национальности рабочих.

Мы неоднократно напоминали, что феномен миграции – помимо того, что он объективно неизбежен – является позитивным фактором формирования материальной базы интернационального класса, объединяющей на одном рабочем месте индивидов разного происхождения.

Иммигранты: экономическое принуждение и демагогия

Сегодня демографические тенденции вынуждают буржуазию осознать необходимость привлечения и обучения иностранной рабочей силы. Итальянское правительство работает над новым расширенным “декретом о потоках”, который

должен позволить въехать большему количеству иммигрантов по сравнению с ожидающимися в этом году 82 тыс., но и этого будет недостаточно для затыкания дыр, созданных демографической зимой. Однако показателем фактора экономического принуждения: один из лидеров “Братьев Италии” и министр сельского хозяйства Франческо Лоллобриджида заявил, что уже в 2023 году потребуются 280 тыс. иммигрантов: действительно, именно в сельскохозяйственном секторе нехватка рабочей силы чувствуется сильнее всего.

Правда, закономерность состоит в том, что вся эта риторика сопровождается линией отторжения, линией “закона и порядка”, выстраиваемой парламентскими партиями для использования в вечной погоне за голосами и прокладывающей путь к массовым морским трагедиям, которые усеивают трупами итальянские побережья и территории за их пределами.

Это противоречия буржуазии, которая и в этом аспекте демонстрирует своё отставание от исторической эпохи.

Lotta comunista, март 2023 г.

Мосты и ребусы Латинской Америки

Мы публикуем серию статей наших испанских товарищей из газеты *El Internacionalismo*.

Испания, несмотря на довлеющие над ней внутренние дисбалансы и открытые фронты противоборства с Брюсселем по вопросам энергетики и бюджетных правил, не отказывается от внешней проекции в направлении Латинской Америки и Африки. Несомненно, масштаб устремлений выходит за рамки индивидуальной возможности страны, но, согласовываясь со стратегическими интересами европейского империализма, амбиции обретают конкретную форму. Это особенно актуально в свете событий, связанных с украинским конфликтом, углубляющихся дебатов о «кризисе глобализации» и ребуса реорганизации глобальных цепочек поставок.

Лула, МЕРКОСУР, ЕС...

Недавняя победа Луиса Инасио Лулы да Силвы на президентских выборах в Бразилии дала возможность возродить испанский проект, в котором Мадрид предлагает себя в качестве моста между Европой и Латинской Америкой. Именно Лула заявил о готовности реанимировать МЕРКОСУР и переговоры о заключении договора этого объединения с ЕС, чего очень хочет Испания.

МЕРКОСУР с 1990-х годов был обещанием региональной интеграции, которое в основном осталось невыполненным. Первоначально объединение состояло из пяти членов с атлантического побережья: Бразилии, ключевого участника с 214 миллионами жителей, Аргентины (46 миллионов), Парагвая (7), Уругвая (3,5) и Венесуэлы, членство которой, однако, было приостановлено в 2016 году. Четыре оставшиеся страны объединяют около 40 процентов населения и экономической мощи Латинской Америки.

Лула также подчеркнул своё намерение изменить некоторые условия соглашения, достигнутого в 2019 году, но не ратифицированного, которые в настоящее время «не способствуют реиндустриализации Бразилии». Теперь его третий президентский срок, следующий после президентства правого популиста Жаира Болсонару, может помочь преодолеть определённое сопротивление в самом ЕС. Франция, обеспеченная сельскохозяйственной главой соглашения, ухватила за флаг Амазонии, чтобы заблокировать переговоры.

Однако новый «розовый прилив» южноамериканских левых, олицетворяемый недавно избранными президентами Чили (Габриэль Борич), Колумбии (Густаво Петро) и новым сроком Лулы, не только явно обращается к европейской модели социального обеспечения после тяжёлого испытания пандемией, но и находится в соответствии с гигантским глобальным инвестиционным циклом, связанным с энергетическим переходом, упакованным в зелёную идеологию. Что касается отношений с ЕС, его близость с правительствами Мадрида и Лиссабона, а также исторические и языковые связи стран, укоренённость их крупных групп в Америке, включая испанскую Iberdrola и португальскую EDP, двух из «семи сестёр возобновляемой энергетики», также играют свою роль.

Согласно *El País*, главному печатному органу испанского истеблишмента, который также имеет большое присутствие в Южной Америке, «лидерство Лулы может оживить многосторонние соглашения в

регионе и навести мосты с Севером», особенно в сферах климата и торговли (8 ноября). Поэтому «сейчас, во время ротационного председательства в Европейском Союзе в 2023 году, для Испании самое время придать окончательный импульс ратификации соглашения о свободной торговле между ЕС и МЕРКОСУР» (2 ноября).

...и другие

По мнению Андреа Бонанни (*la Repubblica*, 7 ноября), конфликт в Украине «придал новый импульс тем в ЕС, кто борется за поиск новых торговых направлений, которые уменьшат нашу зависимость от Китая и укрепят солидарность между западными демократиями».

Испанская *El Economista* подчёркивает настоятельную необходимость наверстать упущенные возможности МЕРКОСУР, для которого ЕС является вторым по величине торговым партнёром с 18 % от общего объёма торговли. Первый – Азия, на долю которой приходится 52 %.

Лула проявляет большой интерес к альянсу БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка), в который Аргентина также подала официальную заявку на вступление. Его готовность работать на благо «нового мирового порядка, приверженного многостороннему подходу», китайская *Global Times* (1 ноября) назвала хорошим предзнаменованием для и без того крепких отношений с Пекином. Такое развитие событий подтвердило бы склонность Бразилии, уже проявившуюся при Болсонару, поддерживать хорошие отношения как с западными, так и с восточными блоками¹, включая Москву. И это несмотря на то, что «в мире геополитических столкновений и войн в Европе» поиск такого «баланса», по мнению *The Economist*, стал «более трудным» (5 ноября).

С другой стороны, Латинская Америка не ограничивается Бразилией и МЕРКОСУР. Мадрид хочет углубить отношения со всеми 33 государствами, расположенными между Мексикой и Огненной Землёй. Об этом свидетельствует инициатива, с которой выступила Надия Кальвиньо, министр экономики и цифровой трансформации Испании, и колумбиец Серхио Диас-Гранадос, исполнительный президент CAF-Banco de Desarrollo de America Latina, банка, акционерами которого являются 18 стран региона, включая самые крупные, а также Испания и Португалия. Также, пользуясь преимуществами испанского председательства в ЕС, они предлагают собрать вместе всех 33 министров экономики стран СЕЛАК (Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна) и 27 министров экономики государств ЕС в Сантьяго-де-Компостела (Галисия) в сентябре 2023 года. Диас Гранадос подчёркивает, что в условиях глобальной энергетической реструктуризации «Латинская Америка является регионом-решением с самыми большими запасами лития для электромобилей» и другими многочисленными ресурсами.

“Тихоокеанский Альянс”

В западной части региона вес, аналогичный МЕРКОСУР, имеет “Тихоокеанский Альянс”, сделавший первые шаги в 2011 году: в объединение входят Мексика, Колумбия, Чили и Перу, а Эквадор уже подал заявку на официальное членство. В дополнение к “северному тропизму” по отношению к США альянс имеет сильную проекцию в направлении Азии, что нашло отражение во включении Сингапура на правах «ассоциированной страны».

Среди его членов Мексика, Перу и Чили входят во Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве (СРТПР). В соглашение о свободной торговле, которое первоначально продвигали США, затем покинувшие его при Трампе, также входят Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Вьетнам, Малайзия и Бруней.

Чили будет в числе последних, кто завершит процесс ратификации: соглашение уже одобрено Сенатом, но ещё не передано правительству. Наибольшие сомнения в коалиции, поддерживающей президента Борича, возникают относительно возможных споров между иностранными компаниями и государством, особенно в горнодобывающем секторе, где Чили обладает огромными запасами лития, меди и других ключевых металлов для энергетической реструктуризации. С другой стороны, амбициозная реформа пенсионной модели, созданной диктатором Пиночетом в 1980-х годах, может обеспечить Боричу политический капитал, который можно будет потратить на торговую повестку.

Имея правительства левой ориентации, четыре страны “Альянса” будут политически объединены друг с другом, а также с Бразилией и Аргентиной, крупнейшими государствами МЕРКОСУР. Однако необходимо учитывать богатую географию экономических, торговых и политических объединений в регионе, которые часто пересекаются и конкурируют друг с другом. Например, также существуют Центральноамериканский общий рынок (5 стран), Карибское сообщество (15) и, наконец, Организация американских государств, в которую также входят США и Канада. Это, в дополнение к сохраняющимся расхождениям интересов между странами-членами, ставит под серьёзное сомнение надежды на региональную интеграцию. Эти преграды придётся преодолеть и Мадриду для реализации своих инициатив.

Мадридский ребус

По другую сторону Атлантики, чтобы развивать свои латиноамериканские связи, Испании придётся утвердить их значимость в рамках ЕС. В этом случае

способна к внешней проекции контрастирует с бюджетными ограничениями, к которым Испанию часто подталкивает пассивный европеизм, в то время как больший порядок в счетах действительно укрепил бы её позиции в Брюсселе.

Министр Кальвиньо полагает, что проект реформы Пакта стабильности, представленный Европейской комиссией, «является хорошей отправной точкой». Гибкость в отношении планов погашения долгов государств Еврозоны будет компенсирована расширением полномочий Комиссии в отношении национальных бюджетов. Уступка суверенитета и бюджетная дисциплина не кажутся запретными темами в Мадриде, где управляющий Банком Испании Пабло Эрнандес де Кос заявляет, что государства «должны укреплять устойчивость своих государственных счетов».

Однако благие намерения более ортодоксальных элементов испанского истеблишмента омрачаются неопределённостью, связанной с экономическим циклом, когда инфляция месяц за месяцем продолжает ухудшать перспективы роста и возрастает потенциал социальной напряжённости.

С этим связаны и неизвестные политического цикла: опросы продолжают указывать на то, что Народная партия Альберто Нуньеса Фейхо, лидера оппозиции, в гипотетическом союзе с “Вокс” имела бы хорошие шансы вытеснить из Дворца Монклоа правительство социалиста Педро Санчеса, поддерживаемое коалицией ИСПП и Unidas Podemos, а также большим количеством партий, включая баскские и каталонские.

Настоящая головоломка заключается в том, что для Испании сложнее: предложить ЕС решения ребусов глобализации или разобраться с историческими ребусами своих политических и территориальных нарушений равновесия. А также в том, насколько одно будет диалектически усугублять или разбавлять другое.

Lotta comunista, ноябрь 2022 г.

1 – “Ревизионистская Бразилия” // “Пролетарский интернационализм”. № 95. Июль 2022.

Латиноамериканские компании и евроатлантические ограничения

Для европейского империализма масштабы и глубина последствий продолжающегося на Украине военного конфликта всё ещё остаются неизвестными, но зима в Испании посылает определённые сигналы, позволяющие испытывать осторожный оптимизм в отношении экономической устойчивости страны. Что касается возможности активного содействия реорганизации цепочек поставок ЕС, особенно энергетических, то всегда следует принимать во внимание евроатлантические ограничения испанской проекции в направлении Африки и Латинской Америки.

С другой стороны, сам факт изгнания призрака рецессии и наиболее острых проявлений кризиса, похоже, вновь открывает пространство для местных распри и симулякров политической трагедии с непредсказуемым исходом. На момент написания статьи происходит ожесточённое перетягивание каната: исполнительная власть и её парламентская база пытаются произвести замену членов Конституционного трибунала с истёкшим сроком полномочий, а судебная власть вместе с правыми партиями им противостоят. Борьба является столь же шумной, сколь и расходящейся с императивами текущего момента.

«Достаточно хорошо»

С уровнем инфляции 6,6 % в годовом выражении, зарегистрированным в ноябре Евростатом, Испания имеет самый низкий показатель в ЕС, где средний уровень достигает 10 %, и остаётся далеко позади других крупных экономик, таких как Германия (11,3) и Италия (12,5). Помимо вышеупомянутого пиренейского исключения, которое с июня позволило Мадриду и Лиссабону применять предельную цену на газ, используемый для производства электроэнергии на своих национальных рынках, смягчить рост цен помогли и другие меры: пакеты субсидий для домохозяйств и предприятий, а также налоговые льготы, которые, по оценкам правительства, в совокупности составили 35 млрд евро. Это на данный момент развеивает худшие предзнаменования для экономического цикла, которые уже осенью были использованы против правительства социалиста Педро Санчеса, поддерживаемого коалицией ИСПП и «Unidas Podemos».

Несмотря на то, что инфляция поднимает факторы потенциального роста, последние оценки ОЭСР, сделанные в ноябре, прогнозируют рост ВВП на 4,7 % на 2022 год и 1,3 % на 2023 год, что более чем вдвое выше, чем в среднем по еврозоне (0,5) и намного выше, чем в Германии (0,3), Франции (0,6) и Италии (0,2).

Однако *El País*, главная газета испанского истеблишмента, не преминула упомянуть о том, как эти прогнозы связаны с фактом, что «не было выявлено эффекта отдачи с точки зрения увеличения стоимости труда» (23 ноября), т.е. заработная плата остаётся сжатой. Боевая активность испанских профсоюзов в этом отношении остаётся недостаточной или ограничивается отдельными случаями. Помимо того, что они, как и другие, страдают от дефицита координации на европей-

ском уровне, они более склонны к согласованию с левым коалиционным правительством, поддерживаемым разнообразными группировками локалистских партий, в частности басками и каталонцам из ЛРК.

The Economist, подводя итоги, отмечает, что, несмотря на негативное отношение испанцев к своей политической системе и правительству, «дела на самом деле идут неплохо» (5 декабря). Санчес вступил в должность президента в тот день, когда Китай объявил об обнаружении нового вируса Covid-19, и с тех пор, обладая неопределённой парламентской базой, он имел дело с тремя годами непрерывных кризисов, потрясений и чрезвычайных ситуаций. По мнению британского еженедельника, Санчес «довольно умело справился с ситуацией», и «его правительство, скорее всего, продержится полный срок», несмотря на многочисленные прогнозы, которые делались в момент его появления.

Вернутся ли предприятия?

Возможно ли, что у Испании хватит сил вернуть блеск своим предприятиям за рубежом, сыграть ту связующую роль между ЕС, Африкой и Латинской Америкой, к которой она стремится? Сам король Филипп VI на форуме в Ла-Тоха напомнил о двойном значении слова «empresa» в испанском языке: «предприятия» первых миссий испанцев в Новый Свет и экономические «предприятия» современных групп. В те времена эта деятельность регулировалась контрактами между королём и авантюристами, которые отправились завоевывать Америку от его имени; сегодня, с тем же названием, «empresa», но с другим значением, они больше не пользуются первенством конкистадоров, а, напротив, движутся в среде, полной конкурентов равного или высшего уровня, которые могут обусловить или даже определить их судьбу.

Эти условия хорошо иллюстрирует недавнее соглашение, которое ослабило санкции против венесуэльского режима Николаса Мадуро и позволило иностранным нефтяным компаниям вернуться к работе на территории страны.

Карибские кудильо

Углубляющийся кризис режима карибских кудильо, которых олицетворял сначала Уго Чавес (1999–2013), а затем Мадуро, самозванный социалист, подпитываемый в течение многих лет волатильными потоками нефтедолларов с мирового рынка, особенно из США, привёл к перетягиванию каната с администрацией Дональда Трампа и ЕС. В 2019 году очередной пакет санкций предусматривал замораживание всех венесуэльских активов за рубежом и отзыв лицензий на импорт из Карибского бассейна для некоторых компаний: среди них американская Chevron, которая имеет четыре совместных предприятия с местной государственной PDVSA, но также испанская Repsol и итальянская ENI. Эти меры были направлены на смену режима в пользу лидера оппозиции Хуана Гуайдо, официально признанного законным президентом, в то время как Мадуро было предьяв-

лено обвинение в «наркотерроризме» по делу Пабло Эскобара.

Кризис далёк от разрешения: за десять лет ВВП сократился на 70 %, а 7 миллионов человек, четверть населения, бежавшая из страны во многих случаях из-за невозможности получить доступ к предметам первой необходимости, которые Венесуэла не производит, всё ещё находятся за границей. Однако 26 ноября новое соглашение между Мадуро и оппозицией, достигнутое в Мехико при посредничестве Норвегии и явной поддержке различных региональных лидеров, также открыло путь ослаблению нефтяного эмбарго со стороны Вашингтона. Согласно *New York Times*, это решение «является частью изменения стратегии США в отношении Венесуэлы, которое, по мнению многих аналитиков, ускоряется по мере сокращения мировых поставок нефти в результате вторжения России в Украину» (27 ноября).

El País считает, что реинтеграция венесуэльского режима в международную систему «может отдалить его от Кремля и правительства Ирана» (26 ноября): между строк здесь также можно увидеть «Пекин».

The Economist пишет, что для Мадуро «маятник геополитики качнулся в его пользу», принимая во внимание и новые региональные политические расклады: «Победа Лулы на президентских выборах в Бразилии означает, что все крупные экономики региона вскоре возглавят левые правительства, в целом менее враждебные Мадуро» (27 ноября), как уже продемонстрировал колумбиец Густаво Петро. Еженедельник добавляет, что «карта Гуайдо» не принесла плодов, так как армия, самый сильный элемент государства с широкой ролью в национальной экономике, осталась в основном верна Мадуро.

Сокровищница Каракаса

Всё это даёт возможность вновь открыть сокровищницу Каракаса. Венесуэльское правительство располагает крупнейшими в мире разведанными запасами нефти, составляющими пятую часть мировых и превышающих даже запасы Саудовской Аравии. Однако сегодня страна добывает всего 700 тысяч баррелей в день, что далеко от пика добычи в конце 1990-х годов, когда она достигала 3 миллионов ежедневно. Это результат десятилетия неудачных инвестиций в модернизацию и подержание инфраструктуры сектора.

Новое соглашение позволит Chevron, а также Repsol и ENI вернуться к добыче и экспорту сырой нефти и таким образом уже в краткосрочной перспективе предположительно увеличить производство на 100–200 тысяч баррелей в день – оценки разнятся в зависимости от источника. Однако более существенное увеличение требует миллиардных инвестиций на годы вперёд.

Далее возникает препятствие в виде пункта, обязывающего Каракас использовать полученную прибыль для погашения долга в 4 миллиарда долларов, накопленного компанией Chevron, и запрета использовать её для выплаты роялти, налогов правящему режиму или дивидендов. Благодаря договорён-

ностям Венесуэла добывается размо- роживания своих активов стоимостью 3 миллиарда, ранее подвергнутых санкциям со стороны США и ЕС. Их предполагается использовать для нужд фонда социального кризиса под управлением ООН, в обмен на обещание о проведении выборов.

Таким образом, в вопросе о чёрном золоте Карибского бассейна существует множество неизвестных, но мы зафиксируем один факт: Repsol, крупная группа в сфере углеводородов, как и другие испанские компании, особенно завязана на Латинскую Америку и имеет там широкое присутствие. В случае с Венесуэлой пока очевидно, что действия Вашингтона и Брюсселя, которые держат дверь открытой или закрытой, были более решительными, чем индивидуальные инициативы Мадрида.

Мадрид в бурных водах

ЕС потенциально сохраняет преобладающую роль в отношениях с МЕРКОСУР, крупным интеграционным проектом, объединяющим Бразилию с другими странами региона. Недавно также было достигнуто соглашение об обновлении и расширении торгового соглашения между ЕС и Чили, крупным производителем лития, который поставляет европейцам 80 % их импорта по данной категории. Это приведёт к отмене пошлин на почти 100 % товарооборота. Окончательное подписание соглашения после прохождения всех стадий бюрократического процесса произойдёт именно во время председательства Испании в ЕС во второй половине 2023 года.

По мнению Жозепа Борреля, верховного представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности, «следующий год должен быть годом Латинской Америки для ЕС». Но и Брюсселю, и Мадриду придётся преодолевать бурные воды, чтобы довести свои начинания до конца.

Перу, пятая экономика региона по объёму прямых инвестиций из Испании, погружена в экономический, социальный и институциональный кризис, в результате которого пал ещё один президент. Педро Кастильо, популист, бывший учитель начальной школы из сельской местности, был заключён в тюрьму после неуклюжей попытки «государственного переворота». Это продолжает местную традицию: все президенты за последние тридцать лет были арестованы, судимы или становились фигурантами расследований, в основном по коррупционным делам.

Аргентине, второй по величине экономике МЕРКОСУР, предстоит трудный предвыборный год, с инфляцией на уровне 100 % и вечными спорами между различными течениями перонизма в правительстве по поводу курса, который должен быть выбран для погашения долгов. Это лишь некоторые из наиболее ярких кризисных очагов.

С другой стороны, частичное замораживание европейских цепочек поставок на Востоке заставляет во всё большей степени обращать свои взоры на другие географические регионы.

Латиноамериканские власти и симулякры

Изучение равновесия властей в Испании не может быть оторвано от его реальной основы, а именно развития экономических и социальных сил внутри и вне национальных границ. Среди них: внутренняя диалектика; конкретные историко-политические условия, в которых формировалось это равновесие; ЕС и особенно Европейский центральный банк, монетарная власть, ставшая теперь федеральной, служащие внешним принуждением для национальных властей; проекция в Латинской Америке и Магрибе, что, в свою очередь, может оказывать давление на внутренние балансы.

Частичное разрешение кризиса испанской судебной системы даёт пищу для размышлений.

Кризис Конституционного трибунала

В течение нескольких месяцев имело место перетягивание каната: на одной стороне находилось правительство социалиста Педро Санчеса с его парламентской базой из ИСПП, “Унидас Подемос” (УП) и локалистских партий, с другой – Генеральный совет судебной власти (CGPJ) и правые партии.

CGPJ является руководящим органом судебной системы Испании (см. вставку). В настоящее время он является выражением парламентского большинства Народной партии (НП), которое поддерживало правительство Мариано Рахоя (2011–2018), чей мандат истёк четыре года назад. Имея в составе 19 активных членов из 21 уставного, она должна была избрать двух новых судей в Конституционный трибунал, мандат которого, в свою очередь, истёк в сентябре. Однако меньшинство консерваторов в нынешнем составе Совета не позволило обеспечить необходимого кворума в три пятых.

В декабре правительство попыталось навязать свою позицию, представив парламенту законопроект, который обогнал бы процедуру, но после прохождения через Конгресс именно Конституционный трибунал заблокировал его обсуждение и голосование в Сенате. Даже самые осторожные наблюдатели вспоминали, что в последний раз голосование в Кортесах, палатах, было предотвращено из-за вмешательства подполковника Техеро при попытке переворота в 1981 году.

Симулякры и ограничения

Параллель неуместна, но она говорит о том, как воспринимается кризис, или, по крайней мере, о желании изобразить ещё один симулякр трагедии. Компромисс по назначениям, по сути, был достигнут за несколько дней и правительство отказалось от продвижения нового закона.

В результате был сформирован новый Конституционный трибунал с «прогрессистским» большинством и председателем Кандидо Конде-Пумпидо, нелюбимым правыми, которые считают его снисходительным к индпендентистам Каталонии – региона, в котором сосредоточена пятая часть испанского ВВП. Но сам Конде-Пумпидо после своего назначения сразу же заявил: «Конституция не допускает ни отделения, ни независимости, ни самоопределения».

Однако вопрос об отделении не стоит на повестке дня. Напротив, президент Каталонии Пере Арагонес принял участие в испано-французском саммите, где Санчес и Эммануэль Макрон заключили первый договор о дружбе и расширении сотрудничества между двумя странами, несмотря

на то что его партия “Республиканские левые” участвовала в акции протеста против самого саммита. Соглашение 19 января войдёт в историю как “Барселонский договор”, поскольку именно столица Каталонии стала местом его подписания.

Таким образом, за Испанией признаётся роль первого плана в Европе, и в то же время как для Мадрида, так и для Барселоны возникает дополнительное внешнее принуждение. Учитывая, что Италия, которая санкционировала свои особые отношения с Францией Квиринальским договором и имеет тесные связи с Германией, похоже, подтверждается правота Лусио Карачоло. Директор журнала *Limes* видит в “еврочетвёрке” (“EuroQuad”) из четырёх стран потенциальное ядро европейского империализма.

Именно на страницах *Limes* немецкий историк Герфрид Мюнклер, которого, согласно *Der Spiegel*, читает и слушает бывший канцлер Ангела Меркель, признаёт, что из-за дозировки совраизма в итальянском правительстве в Берлине сложилось впечатление, что «связь с Мадридом стала более тесной». Относительно хорошие показатели испанской экономики также следует рассматривать как часть общей картины.

Фарс в Бразилиа

Симулякр трагедии в Мадриде говорит о поляризации, которая кажется самоцелью партий в преддверии парламентских выборов в 2023 году. Но отчасти образ перманентного кризиса имеет более глубокие корни, которые кроются в последних кризисах глобальных отношений, начавшегося в 2007 году и выявившего перспективы относительного упадка Запада, а также в последующих ударах, нанесённых пандемией и войной на Украине.

Именно в этом контексте кризис в Бразилиа, нападение нескольких тысяч сторонников бывшего президента Жаира Болсонару на дворцы ветвей власти (Президента, Конгресса и Федерального Верховного суда), которое длилось всего несколько часов, обсуждается в Мадриде. События стали лишь миниатюрной копией кризиса, произошедшего на Капитолийском холме в Вашингтоне два года назад, в конце срока Дональда Трампа, но с аналогичными сценами вандализма, снятыми на видео и распространяемыми в социальных сетях.

«Все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. [...] первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса»¹. Это высказывание Карла Маркса, по мнению газеты *Folha de S. Paulo*, «никогда ещё не было столь точным». Симулякр трагедии в Бразилиа, замечает *Financial Times*, может даже стать «возможностью» для будущего президента Лулы в смысле продвижения экономических реформ с опорой на поддержку, полученную во время кризиса от законодательной и судебной власти.

Тем не менее, *El País* напоминает, что бразильский кризис «быстро стал центральным элементом испанских дебатов». Он обсуждается в свете связей между Болсонару, Трампом и правым популистами “Вокс”. УП заходит настолько далеко, что заявляет: «То, что Болсонару делает в Бразилии с толпой фанатиков, делает и Фейхоо [лидер НП] с представителями судебной власти». НП же показывает пальцем на Санчеса, заявляя о его снисходительном отношении к индпендентизму.

Педро Вальян, политический обозреватель газеты *La Vanguardia*, размышля-

КРИЗИС СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Специалист по конституционному праву Игнасио Фернандес Сарасола отмечает, что Конституция 1978 года, родившаяся в период перехода от франкизма к конституционной монархии, получила «существенный вклад» от Конституции Итальянской Республики 1948 года. И даже Генеральный совет судебной власти (CGPJ) «следует модели итальянского Высшего совета магистратуры, органа, который не существует в большинстве стран» (“La Constitución española en 100 preguntas”, 2019).

Это институт обязан своим появлением тому, что профессор Хоакин Варела Суансес-Карпенса называет «консенсусной конституцией», в которой многие части «намеренно сделаны двусмысленными с целью оставить некоторые вопросы открытыми» (“Historia constitucional de España”, 2020). Кроме того, Сарасола уточняет, что «всё в Конституции может быть реформировано [и] можно даже установить диктатуру просто путём конституционной реформы». Другими словами, это был бы путь, противоположный тому, по которому «от закона к закону» Испания «реформировала» диктатуру, чтобы прийти к демократии, что являлось условием принятия Мадрида в европейский клуб.

По словам Варелы, роль «верховного толкователя Конституции» остаётся за Конституционным трибуналом. Энрик Хулиана, редактора *La Vanguardia*, озвучивает мнение итальянского профессора Винченцо Кокоцца, который считает этот суд «абсолютно определяющим органом, поддержанным очень сильной политической напряжённостью».

Судебная и исполнительная власть

В состав CGPJ входят 20 членов, называемых *vocales* и назначаемых королём после избрания Генеральными кортесами, то есть Конгрессом и Сенатом: 12 магистратов и 8 юристов. Игнасио Гома Лансо, председатель организации *Fundación Hay Derecho*, в начале кризиса напомнил, что изначально Конституцией было установлено избрание лишь 8 юристов Кортесами. Однако в 1985 году ИСПП Фелипе Гонсалеса, находившегося в правительстве с 1982 по 1996 год, изменила это правило, установив, что все 20 должны избираться Кортесами, «чтобы предотвратить блокирование реформ, продвигаемых левыми, со стороны судебной системы, всё ещё полной франкистских элементов». Конституционный трибунал отклонил апелляцию против этого изменения, «предупредив, тем не менее, о риске превращения CGPJ в поле отражения борьбы» (*El Mundo*, 23.09.2019).

20 членов CGPJ выбирают председателя, должность которого совпадает с должностью председателя Верховного суда, также после назначения королём. Функцией CGPJ является защита независимости судебной власти, назначение председателей и членов пяти “палат”, на которые подразделяются Верховный суд, а также высших региональных и провинциальных судов.

Верховный суд и исполнительная власть

El País подчёркивает, что «политизация» действительно достигла CGPJ и от него перешла на Верховный суд, вершину судебной власти. Состоящий из 79 членов, он является единственным органом, который может судить представителей правительства, депутатов и сенаторов, членов CGPJ и самого Верховного суда, а также должностных лиц других государственных и местных учреждений.

При правительстве популярного Хосе Марии Аснара (1996–2004), который пришёл к власти отчасти благодаря кампаниям НП против коррупции в руководстве социализма, новые назначения в CGPJ привели к тому, что «в уголовной палате Верховного суда [...] баланс между консервативными и прогрессистскими судьями был смещён в сторону подавляющего преобладания первых». В 2004 году правительство социалиста Хосе Луиса Родригеса Сапатеро (2004–2011 гг.) изменило закон и ввело в CGPJ требование 3/5 голосов при назначении на высокие судебные должности. Однако этого было недостаточно, чтобы изменить баланс: «Из 15 судей уголовной палаты, которые принимали участие в процессе о независимости Каталонии или рассматривали апелляции на решение по делу Gürtel [о коррупции в НП] или делу ERE [о коррупции в ИСПП в Андалусии], только трое придерживаются прогрессистских взглядов».

Конституционный трибунал и исполнительная власть

Реформа 2020 года, проведённая правительством Санчеса, ограничила полномочия CGPJ с истёкшим сроком полномочий, особенно в отношении назначений в рамках его компетенции. Газета *El País* (29.12.2022) отметила, что в результате блокирования со стороны CGPJ «72 судебные поста остались вакантными». Среди них в том числе 19 членов Верховного суда, один член Национального суда, 52 члена высших региональных и провинциальных судов.

Еврокомиссия неоднократно призывала правительство и оппозицию договориться о реформе, направленной на «деполитизацию» судебной системы, но не раньше, чем обновится состав CGPJ, председатель которого ушёл в отставку в октябре, чтобы побудить партии к достижению соглашения. Если левые не хотят лишать палаты их прерогатив, учитывая, что среди ассоциаций судей большинство составляют приверженцы консервативной ориентации, даже для НП, особенно пострадавшей от коррупционных скандалов последних лет, сейчас не лучшее время для изменения политического баланса в CGPJ.

Затянувшийся кризис также заблокировал возможность обновления Конституционного трибунала. Из 12 его членов, также назначаемых королём, восемь выбирают Конгрессом и Сенатом большинством в три пятых голосов, два – правительством и два – CGPJ. Исполнительная власть пошла на пятую в отношении реформы 2020 года и представила палатам новый закон, предполагающий большую гибкость назначения членов Конституционного трибунала, чтобы преодолеть сопротивление «консервативного блока» в CGPJ.

ет: «Когда ты влюблён, все песни о тебе. Когда приближаются выборы, каждый отдалённый факт – это зеркало, в которое можно посмотреть, чтобы увидеть себя, таран против других, местный политический термометр». Хотя это и деформированное зеркало, политические формы,

реальные или кажущиеся, играют определённую роль в реальных кризисах.

Lotta comunista, январь 2023 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 8. С. 119.

Евроатлантическая проверка в Магрибе

Испанское правительство Педро Санчеса, управляемое коалицией ИСРП и “Унидас Подемос” (УП) выходит на финишную прямую срока полномочий законодательного органа: в конце 2023 года, ему, вероятно, предстоит проверка всеобщими выборами. Экономическая политика правительства и его внешнеполитические результаты будут подвергнуты испытанию. Упомянутые аспекты тесно связаны друг с другом, о чём свидетельствует контекст войны на Украине.

Возможность для Мадрида

Луук ван Мидделаар, президент AIV – организации, консультирующей правительство Нидерландов по европейским и международным вопросам – и бывший советник европейского президента Хермана ван Ромпёя, является авторитетным голосом среди течений евроатлантизма. На страницах газеты *El País* (12 февраля) он отметил, что в то время, как на фронте европейской обороны «сила смещается на Восток», в отношении энергетического перехода и замены российских поставок газа «существует возможность для Испании и южных партнёров», которые могут внести свой вклад за счёт «производства водорода из солнечной энергии, импорта из Северной Африки и Латинской Америки и оборудования терминалов сжиженного газа». В особенности это касается Испании.

Во втором полугодии Мадрид на ротационной основе займёт место председателя в Совете ЕС: это станет моментом проверки способности использовать эту «возможность».

Ратификация соглашения о свободной торговле между ЕС и МЕРКОСУР (Бразилия, Аргентина, Парагвай и Уругвай), которое всё ещё находится в стадии обсуждения, является одной из главных целей Санчеса, и в этом он сходится со своим бразильским коллегой Лулой. Последний, часто в двусмысленной для западных стран форме, отвергает «многосторонность»: например, несмотря на отказ посылать оружие Киеву, во время визита в Бразилия канцлера Германии Олафа Шольца он вновь заявил о неотложности договора с ЕС. Настолько, что в полемике с уругвайским президентом Лакалье он подчеркнул, что для него торговое соглашение с европейским блоком стоит выше, чем договор с Китаем.

С другой стороны, на магрибском направлении, дуге Северной Африки, простирающейся от Мавритании до Ливии, первыми проверками стали недавний испанско-марокканский саммит и, параллельно с этим, новые соглашения, подписанные Италией с Алжиром и Ливией.

Вернуться в Рабат

В начале февраля в Рабате состоялась встреча на высоком уровне между испанским и марокканским правительствами – это произошло впервые с 2015 года. Перерыв в 8 лет можно объяснить как периодом масштабной политической нестабильности в Мадриде (с того момента за четыре года всеобщие выборы прошли четырежды), так и неразрешённым двумя странами кризисом,

связанным с узлом Западной Сахары. Правая оппозиция подчёркивает, с одной стороны, отсутствие на саммите марокканского короля, а с другой – то, что из 22 подписанных соглашений большинство не имеет юридической силы. Однако саммит, безусловно, имеет политическую ценность сам по себе.

Новая позиция, занятая социалистом Санчесом, который готов пойти даже на признание региональной автономии Сахары под суверенитетом Рабата – то же, кстати, предлагал и король Мохамед VI, – по мнению большинства наблюдателей, привнесла в отношения двух стран заметное улучшение.

Экспорт в королевство Алауитов в 2022 году увеличился на 30 %, превысив 10 млрд евро (+2,4 млрд) и сделав его третьим по величине неевропейским рынком для испанских товаров после Великобритании и США. Импорт же увеличился на 21 % и составил более 8 млрд евро.

Среди рычагов воздействия, имеющих в распоряжении Рабата, следует упомянуть его ставшую более выраженной евроатлантическую дозировку, подтверждённую участием в «Panzerwende», используя термин *The Economist*, то есть в политическом маневре западных стран в отношении отправки танков Киеву. Пока Мадрид переоборудует несколько единиц своих «Леопардов», Рабат, как говорят, уже отправил в бой «около двадцати» российских танков Т-72, купленных двадцать лет назад у Беларуси. Марокко фактически «становится первой африканской страной, предоставившей Украине этот вид вооружения» (*La Razón*, 25 января).

Наконец, нелегальная миграция из Марокко по западному Средиземноморью, атлантическим маршрутам на Канарские острова и по суше в испанские анклавы Сеута и Мелилья в совокупности сократилась на 26 %, в то время как в центральном Средиземноморье в направлении Италии и через Балканы наблюдался рост на 108 и 136 % соответственно. В этом смысле стоит помнить, что жизни, разбитые на маршрутах смерти или запертые жандармами Северной Африки в аду миграционных лагерей, финансируемых ЕС и его членами, должны быть учтены в общем балансе торговых и политических обменов.

Ценность Алжира

Впреки ожиданиям, наблюдается уменьшение миграционных потоков и из Алжира, несмотря на трения, возникшие с Испанией именно из-за обновления отношений с его региональным соперником Марокко.

Алжир, поддерживающий независимость Западной Сахары, начал препятствовать доступу испанских компаний к своей банковской системе. По словам Франсиса Гилеса, эксперта по Магрибу из аналитического центра CIDOB в Барселоне, «кризис стоил Испании 85 % её экспорта в Алжир [и] ослабил её дипломатическую руку так же, как высокие цены [на газ] усилили рычаги давления, имеющиеся у Алжира». Действительно, по данным *El País*, импорт из Алжира увеличился в цене на 85 % в 2019 году, с

3,8 млрд евро до 7 млрд евро, несмотря на физическое снижение поставок газа.

Кроме того, добавляет Гилес в “Международной записке» CIDOB в преддверие поездки премьер-министра Джорджии Мелони в Магриб, деятельность ENI укрепляет «роль Италии в качестве нового газового хаба Средиземноморья за счёт Испании», сегодня в том, что касается метана, завтра – водорода. Здесь будет иметь вес и роль Парижа, который договорился о строительстве водородного трубопровода H2Med между Барселоной и Марселем, а также Берлина, находящегося в процессе заключения контракта на продление этого трубопровода в Германию. Фактически, проходя через испанскую сеть, эта инфраструктура соединит немецкую промышленность с Магрибом.

Гилес отмечает «две сильные стороны» ENI: роль её основателя Энрико Маттеи в антиколониальной борьбе Алжира против Франции, что «цементировало политическое доверие», и газопровод Энрико Маттеи, соединяющий Сицилию с алжирскими месторождениями.

В Алжире, который уже поставляет Риму 30 % импортируемого им газа, Мелони повторила перед президентом Абдельмаджидом Теббуном идею «плана Маттеи» по превращению Италии в «своего рода хаба распределения энергии». В Алжире, а затем в Триполи, Мелони сопровождал Клаудио Дескальци, действующий генеральный директор ENI, который подписал соглашение с алжирской газовой компанией Sonatrach и с ливийской NOC.

Однако остаются неразрешёнными такие вопросы, как инвестиции, необходимые для увеличения производства в двух странах, политическая нестабильность, особенно в Ливии, и вмешательство третьих сторон.

Алжир направляется в БРИКС

Связи между Алжиром и Москвой хорошо известны. Французская пресса в момент обострения отношений между Парижем и многими его бывшими африканскими колониями настойчиво подчёркивает как рост российского присутствия и влияния в Африке, так и репрессивный характер алжирского режима в качестве его якобы новой черты.

Тем не менее, Гилес возражает, говоря, что воспринимать Алжир как союзника Москвы было бы «грубой ошибкой» и что его линию следует интерпретировать в качестве своего рода «неприсоединение в новой редакции». Россия и Китай остаются крупнейшими поставщиками оружия, но именно «благодаря кредитам западных правительств и центральных банков» Алжир смог развить свою инфраструктуру и промышленность. Алжир отказал Москве в использовании военно-морской базы Мерс-эль-Кебир и опроверг российское заявление об участии в военных манёврах на границе с Марокко (*El País*, 5 декабря).

С другой стороны, поданная Алжиром в ноябре официальная заявка на членство в группе БРИКС, объединяющей Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южную Африку, вероятно, вызывает тревогу в европейских канцеляриях. В июне саммит БРИКС принял «характер встречи не-Запада»

и создал представление «об отсутствии изоляции России»¹.

Согласно Российскому совету по международным делам, процесс присоединения Алжира к данному формату будет завершён уже летом 2023 года (РСМД, 7 февраля). Аналогичные «перспективы» также откроются для Ирана, Турции, Арабских Эмиратов, Саудовской Аравии и Египта с целью формирования «новых финансовых платформ» и расширения сотрудничества в области транспорта и логистики.

Мадрид остаётся в Мадриде

Перед лицом этих насущных и потенциальных изменений испанский парламент предстаёт полностью ориентированным на свой внутренний мир. Высокий уровень политической напряжённости можно объяснить близостью региональных выборов (состоятся в мае), а также актуальностью некоторых спорных вопросов: от взаимоотношений между центром и местными администрациями до равновесия властей в конфликте вокруг законодательства о жестоким обращении с женщинами, где ключевая линия противоречий проходит не между правыми и левыми, а между партиями правящей коалиции.

Нельзя, впрочем, не заметить, что хаотические симулякры трагедии в палатах парламента (Кортесах) имеют функциональную роль с точки зрения возможности решения стратегических вопросов фундаментальными течениями европейского империализма. Сама убедительность европейского внешнего принуждения или поддержка Киева в войне, например, чаще обсуждаются в Риме, чем в Мадриде. В настоящее время испанские партии, если отбросить большую часть пассивного европеизма в отношении фискальной политики, ближе к франко-германскому центру притяжения ЕС, чем их итальянские коллеги. Однако не всегда было так.

До того, как Мадрид присоединился к рейнской оси в 2004 году, представитель Народной партии Хосе Мария Аснар, в отличие от Сильвио Берлускони, без труда отвернулся от Парижа и Берлина, чтобы сфотографироваться с Джорджем Бушем и Тони Блэром на Азорских островах, незадолго до начала войны в Ираке в 2003 году.

Ожидается, что в октябре 2023 года, во время своего председательства в ЕС, Испания проведёт третий саммит Европейского политического сообщества – формата, объединяющего 44 страны, включая Великобританию, Украину и Турцию. Сообщается, что Санчес выбрал в качестве места действия великолепный монументальный комплекс Альгамбра в Гранаде, последнем арабском городе-крепости, устоявшем перед испанской реконкистой. Ни одна страна с южных берегов Средиземного моря не приглашена, но Магриб вряд ли будет забыт в политических дискуссиях на саммите.

Lotta comunista, февраль 2023 г.

1 – Кризис порядка и перемены столетия // Пролетарский интернационализм. 2022. Сентябрь. № 96.